

Расшифровка интервью

Дата: 08.05.2021

00:00:01

У нас всегда вот этот стол её, при её жизни был, есть фотографии. Всегда чашки, еще английские живы были чашки, заварки еще английские, были ложечки, сахарница, одна сахарница даже где-то еще жива там. И всё время старалась она вот это английское чаепитие в красивых чашках... И я поняла, что это уважение к людям, вот пришёл — и это уважение, которое... Ну на Руси есть такое, из самовара. Но английское, оно другое, японское — другое, китайское — другое.

00:00:46

Элеонора Тимофеевна, ну хорошо, давайте начнем. Знаете, с чего хотелось начать, расскажите о родителях. Папа, мама, откуда они? Из какого, как говорится, сора эти цветы?

Мои родители из самых, что ни на есть, ну... мордва. То есть народ, которые в царское время назывались инородцы. Вот мои бабушка и дедушка — это мордва. Каким образом они стали такими, что мой отец вот до Англии дорос, — потому что, коротко если так сказать, что моя бабушка родилась еще при Александре III. И она вышла замуж за вдовца. И мой дедушка, тоже они были оба сиротами. И они... Мордва — это были очень... ниже некуда. И эту историю надо, конечно, рассказать. Почему? Потому что мы до сих пор ее помним. И шли мимо два монаха. Была холера, 1837 год. Рядом Лобаски, откуда рода моя мама, а рядом Болдино, где в это время жил Пушкин. Это было имение его дяди Анатолия Львовича Пушкина. А Пушкин, ну тогда еще дяди не было, наверное, а был Пушкин. И в это время холера жуткая прошла по Поволжью и почти всё село, родом откуда вот бабушка и дедушка, вымерли от холеры. Мимо шли два монаха, Корнелий и Михаил. И они увидели двух мальчиков, которые... взрослых нет. Была осень. И они взяли этих мальчиков, убрали урожай и вроде бы научили тоже как-то языку. Ну дальше перескочить. Появилась церковь. Такой пришел из Арзамаса священник Мадаратов. И он создал школу и сказал, говорит: «Приходите к нам учиться». Никто не шел учиться, никто ни русского языка, никто не знал, говорили только на своем языке. И к Мадаратову пришел мой девятилетний дедушка. И он его использовал записи делать и еще что, таким образом дедушка вошел в язык, в русский язык, и всё. Затем еще позже Анатолий Львович Пушкин просит у Мадаратова: «Мне нужен человек, который...» Мордвы много, с языком [нужен] какой-то сотрудник, с которым можно было... И в результате мой дедушка приобретает должность волостного писаря. И так как он уже волостным писарем, у него уже отдельный дом, у него уже это, и он имеет возможность потом в будущем своих детей уже потом... Ну пока еще детей у него [не было], у него была только дочь от умершей жены. И первый первенец, который будущий будет профессор Анатолий Павлович Рябов, следующая через два года моя мама Елизавета, они становятся... учатся в гимназии в Арзамасе. Они проучились в Арзамасе несколько лет, и вдруг дедушка умирает очень рано, 41 год. И двоих старших детей берет к себе для того, чтобы окончили они гимназию, глава города Арзамаса. Поэтому они получились образованными людьми. А в гимназии, как я поняла, там было образование, мама рассказывает, то есть как они изучали и Толстого, и языки, и греческий, и чего только они там не знали. И мама моя очень владела языками. И в будущем, совсем вот в будущем, уже совсем, когда уже будучи репрессированной, она будет завкафедрой английского языка здесь, в институте зоотехническом, который здесь организован в Голицыно. Ну не знаю, как сократить более-менее, мне хочется так... Почему я эту историю вам рассказала — что в основе нашей семьи, со стороны мамы, было заложено образование, культуру ту, в которой она жила, то есть поведение и во внешней среде, и во внутренней, дисциплина внутренняя, которая должна была быть в семье. Ну всё, чему тогда учили женщин, девочек. То есть в результате мама получилась светской женщиной — и внешне, потому что когда современная мордва видит фотографии, которые мама была в Англии, которые она умела носить шляпки, бусы и прочее, и говорят, не верят в это: «Нет, она не мордовка, не может быть, чтобы мордовка могла быть вот леди такой вот, как эта». Ну это вот мои дедушка, бабушка и мама. Отец мой совершенно из другого поля, отец мой сибиряк, из очень такой языческой семьи. Кстати, еще вот эти, мой дедушка, и были очень верующими людьми, так как мордва, они очень тяжело приняли христианство, у них язычество, но они приняли христианство. А эта семья — полностью языческая семья, живут на Енисее, там у них четверо детей, мой отец старший, сплавляют лес, потом работают вместе с отцом на шахте в Красноярске. И тут, конечно, большие неприятности тут с Колчаком. То есть Колчак у них всё время с утра до вечера, ненавидят Колчака, так как какая-то жизнь была, что всё время какая-то война была между местным населением... У отца есть свои воспоминания о Гражданской войне, он участник Гражданской войны, и всё это... В партизанах он был. И первый вступил в коммунистическую партию,

первый он... Ну потом его соратники, насколько я знаю, это был Тито в то время тоже был, я сравнивала, это битва под Омском, там белочехи, там омские, это очень серьезные были боевые действия. И потом, когда он, значит, быстро... Он окончил рабфак, он просто семимильными шагами шел по образованию, окончил рабфак, закончил университет, юридический факультет, первый выпуск, в 1924 году он заканчивает, и он едет в Англию уже как юрист-международник, и как юрист-международник он очень серьезные суды выигрывает. В то время... Я читала книгу об Индире Ганди, насколько в это время бастовали в Англии, не разгружали пароходы рабочие на портах.

00:09:09

Простите, когда он поехал в Англию, в каком году первый раз?

В 1930 году его назначили, он поехал работать в посольство в Великобритании, в Англии. Ну, там уже, значит, другая такая жизнь, конечно, ему было очень тяжело там, потому что в Англии он был первым представителем от Страны Советов, представителем, а все остальные были эмигранты, которые работали. Это еще посольство было от царского времени, и в этом коллективе... Я эти разговоры слышала, как ему было тяжело в этой обстановке, потому что он был там чужаком. И тут я совершенно уже логически не знаю, но я знаю только, что в 1928 году он лично у Сталина подписывает документ о том, что Мордовия становится автономной республикой. Для этого, конечно, он не оставляет Мордовию, он вхож в правительство, и я знаю, что он из Англии два или три раза приезжал на все горсоветы, которые правительство собиралось там. Я не знаю здесь как, я знаю только еще когда оттуда мы уезжали, я этот день очень хорошо помню, потому что это был декабрь месяц, и я помню, это было Рождество. И я помню еще, я как полностью была английским ребенком, и у меня на моей кровати висел чулок с рождественскими игрушками, который мне разрешили взять с собой. Это был последний в жизни мой рождественский подарок. Больше в моей жизни никогда никаких подарков, только тогда, когда уже я вышла замуж, уже тогда, а этот период был совершенно...

00:11:47

В каком году это, простите, было, вы сказали?

Декабрь 1937 года, мне пять лет. Пять лет. Мы едем, пароходом едем оттуда, «Квин Мэри», и приезжаем мы в Ленинград. Позже я узнаю, что когда пароход пересек границу, «Квин Мэри» когда... Где-то там граница в океане, ордер выписан с этого числа, ордер на его арест. Он едет, и он не знает о том, что он арестован. Он приезжает сюда, и я хорошо помню, что он ищет работу, что-то он... Ну в общем, он всё время ездит, берет с собой какую-то папку, всё время он ездит. Вот когда мы приехали в Ленинград, мы оттуда пересели и входим в международный поезд, так как у него... Что меня поразило? Ужасная вонь и запах. И какая-то темнота. И мы едем в этой темноте, мы приезжаем в Голицыно, сюда. Голицыно в то время была деревня, и потом декабрь месяц — это снега, такие [нрзб]. Конечно, я не знаю, как это было, скоропостижно, что ли, что мы уезжали. Я еду в черной шляпке и в английской одежде, и мой братик тоже так же одет, я не знаю, по-английски мы одеты, едем сюда. Мы открываем дверь с той стороны, открываем — изба с керосиновой лампой. У деда лошадь была, животные какие-то были. Я открываю, вы не можете представить, какой запах кинулся. Я его почему-то до сих пор помню. Это очистки, это вот всё, это вот такое. Потом они сибиряки были, они как-то не следили за этим. А потом как следить? Снег, дрова, это вот печка. Ну как-то это вот так было. И сколько это было, я не знаю. Я вижу на столе эту керосиновую лампу. Больше я что-то не могу ничего, какие-то подробности сказать. Только помню, что папы нет как-то в доме. Я помню папу, который был в Англии, вот папа был. У него была какая-то такая энергетика, когда вот он... И сейчас бывают такие вот люди: он открывает дверь в комнату — вот всё оживает. Бывает так, что приходит человек, и всё мертвое. Вот всё оживало. Казалось, вот посуда... Вот от него прет, я не знаю, вот такой вот. Я, конечно, залезала к нему на шею. Меня невозможно было уложить. Меня невозможно было, пока я не наемся вот этой энергией. Однажды, я помню, он пришел и принес вот такое вот гнездо из травы и в нем три шоколадных было цыпленка. Больше я как-то об английской жизни не могу... Какая-то была тоска, какая-то вот была... Не было компании какой-то детской. Всё время какая-то дисциплина, какая-то вот всё время... Я помню, это какой-то всё время передо мной стоял стакан сока апельсинового, который я ненавидела, который я обязана была утром выпить, этот вот апельсиновый. Я не могу запомнить вот это вот... Я помню няню. Няня была одно время даже хозяйка дома. У нее было полно кошек, они же кошачники все. И как она меня завела к этим кошкам, а я впервые увидела, как разделяют мясо. Вот это вот печень, как эти кошки кричат, и вот она дает вот это мясо. Ну, походы в свет какие-то были, в кино мы ходили, я помню. Был такой вот фильм, и я запомнила почему-то, такой был дивный фильм. Актриса была, Ширли Темпл ее звали. Она на слоне где-то по лесу ходит. Ну, что-то, вот такие вот какие-то... Только, конечно, вот рядом с папой. Я помню, один раз нас послали в лагерь, в посольский лагерь, на океане было. И, конечно, это было... И приехали ко мне родители, к нам родители. Брат был в другой группе, я в другой. И приехали родители, на своей машине приехали. И я, конечно, у меня не было ни

радости... Я помню, что... «А ведь они сейчас уедут. Вот зачем они приехали? Они же меня не заберут с собой. А я только хочу, чтобы они меня отсюда забрали». Почему мне было всё время тяжело в коллективе? Я не могла понять. Чужие, что ли, были? Я не знаю. Вот должны были бы... Меня не забрали. И так я помню. Они прощаются, уходят, со мной все разговаривают, няньки. И я бегу за этой машиной. И я бегу. И я вот сейчас даже вспоминаю, какое горе вот внутри. Вот понимаете, что такое горе? Вот разрывается: вот они уходят и меня с собой не берут.

00:17:24

Сколько же лет вам тогда было?

Четыре с половиной. Да, четыре с половиной, да. Что вот они уходят и меня с собой не берут. Второй раз я помню, тоже как вот меня не взяли с собой, со мной такая же истерика. Что-то шепчутся, что-то это... И вдруг я куда-то... Мы весь второй этаж занимали в Москве. У нас даже фото... То есть [не] в Москве — в Лондоне. Они идут куда-то на вечер. Мама потрясающе одета, красиво. То есть на ней длинное платье с шлейфом, шляпа с вуалью какой-то прямо... Ну, актриса идет. Папа идет. Он черноволосый такой. В сером костюме. Они спускаются с второго этажа по лестнице. И я как... Наверное, они меня спят, что ли, уложили. Я не знаю. И я бегу за ними. Я кидаюсь на лестницу и стараюсь кинуться, схватить ее за шлейф. Они не обращая на меня внимания повернулись и ушли... Не поворачиваясь ушли, вот в эту вот дверь ушли. То есть я поняла, что вот, вы знаете, это как похороны. Вот такое вот. Вот как похороны были. И поэтому... Но мама рассказывала, когда умер Георг V, то был большой вечер в посольстве. И туда, как по соболезнованию, приехал Тухачевский вместе с женой. И она хорошо запомнила вот жену этого. Почему я рассказываю про это? Ну был в посольстве такой вечер, конечно. Может быть, они в тот раз на вечер пошли, я не знаю. Но когда позже, когда будет реабилитация, вот в 1959-е годы и мама будет два года подряд ходить в военную прокуратуру, однажды, говорит, тут такой зал, где сидели все, и вдруг один раз вызывают оттуда, вызывают: Тухачевская. И вошла женщина в резиновых сапогах, в телогрейке, просто, видно, из лагеря прямо. «Я внимательно ее посмотрела, это не жена была». Слухи такие были, что дочь Тухачевского в 18 лет арестовали. Она сидела, очевидно, говорит, это была дочь. Вот таким образом Тухачевские, вот так. Похоронен отец мой в этой могиле вместе с Тухачевским. Вот таким образом три раза встретились с Тухачевским. Вот лежит в могиле, Блюхер там лежит, Тухачевский там лежит. Ну я еще что по этому поводу, конечно, про Голицыно могу сказать, что, конечно, когда началась... Я помню арест его.

00:20:43

Ой. Сейчас, подождите, извините.

Твое?

00:20:46

Нет, не мое.

Это Ани, верно.

00:20:49

Да, еще раз, пожалуйста, скажите.

Я помню этот арест, я помню. Я просыпаюсь от того, что темная низкая изба с печкой, с керосиновой лампой, и полный стол что-то вот людей, сидят люди. Просыпаюсь, не могу понять. Через несколько минут подходит ко мне отец, кепка на нем надета черное пальто и какой-то свитер. Меня поразило, что на нем какой-то... Я же привыкла, что мой отец всё время в шикарных костюмах, рубашки, от него запах такой идет. А тут, ну, я не знаю, меня поразило свитер этот. Я потом поняла, да, есть этот вот снимок, где он уже в этом свитере. Я так поняла, что, наверное, в последнюю очередь, это не первый раз уже Тимофей наш уходит в тюрьму. Он же ведь у Колчака сидел, он бежал из этого. И потом он сам был всё-таки юрист, и он знал всю эту систему, и в партизанах был. И дед, наверное, ему в последнюю очередь сказал: «Надень вот этот свитер». Он, наверное, знал, куда он идет и кем он идет. И меня возмутил этот свитер. Что это за этот свитер? И когда мы с Ларисой были... документ нам показали, и там первая была вот эта фотография со свитером, я увидела этот свитер — всё, больше я ничего не видела. Я уже взрослая была. Вот настолько мне этот что-то вот свитер... Грубой вязки такой вот с какими-то деревянными пуговицами. Ну, деревенский вот такой вот свитер. Это так ребенок воспринимает вот такие... И он мне сказал, сказал по-английски, я по-русски не говорила: «Это недоразумение. Вечером я буду дома». Я только через много лет поняла, как это — вечером. Да, я поняла, это было четыре часа утра, и он решил, что он к вечеру, уже он оправдывается и уже он будет дома. И всё. И больше он не вернулся. Это было... Значит, мы приехали 17

декабря, это было 8 февраля. И всё. И дальше тишина. И только мы узнали уже через 20 лет, когда вот... Так мы ничего не знали. Но мама не верила. Мама не верила, она знала, что он должен убежать, он должен, он не может, он обязательно оттуда, он убежит, он не сможет быть. Но, как я понимаю, что... Потом, как изучали этот вопрос, это Лариса больше знает. Тогда это вот кипело... Да, а в это время уже были арестованы его братья Анатолий Палыч и Владимир Палыч. Были арестованы их жены. И дети, значит, дети, мои двоюродные братья Ричард, сын Анатолия Палыча, и Галя, дочь Владимира Палыча, просто были розданы по родственникам. Гале было восемь месяцев. А я, значит, здесь я одна была с братом. Брата не вижу. Брат когда пришел в школу, он пришел в пятый класс, первым делом его, конечно, избили. Ну, это как положено. Я буквально помню, что я уже через неделю или две была покрыта какими-то болячками, потому что перемена климата, и я ходила, где могла только. Меня никто не искал. Но я как-то по этому не нуждалась, чтобы меня искали. Мне нравилось, что куда хочу, туда [хожу]... Ну, меня тоже могли на улице излупить. Ну, если так забежать вперед, то в Голицыне нас приняли... Нас не обижали ни соседи, никто. Какая-то в Голицыне была такая обстановка, была интеллигенция. Во-первых, Голицыно — это было как второе Переделкино. Дом писателей здесь был. Возглавляла некая Фонская. И она первым делом взяла через какое-то время маму мыть посуду в универсаме... Хотя бы что-то было. Никаких. Потому что выгребли всё, что только могли. При нас эти вот костюмы, машина была легковая. Приехали потом забрали отсюда. Самая дорогая ценность, за которую мама вот тужила, — у нее была пишущая машинка. Она была профессиональная машинистка на двух языках. Она думала, что будет работа. Вот это забрали. Какие-то деньги забрали. В общем, всё забрали. Позже я узнала, что отец мой буквально начиная с 17 декабря и по 8-е, он сумел купить участок в Лианозове. Отправил туда несколько вагонов леса. Потому что здесь он не собирался [строиться]. Всё это было арестовано. И то имущество, которое приехало из Англии и было в Ленинградском порту, контейнеры — ничего не отдали. И мама говорит, что больше всего она, конечно, жалеет, что там были большие иностранные книжки отцовы. Ну, его работа по судебным... Он же поступил в Англию в университет. И язык, и юриспруденцию английскую он изучал. Он три курса проучился в Англии в университете. И мне кажется, я сейчас не помню фамилию, это Лариса [может] сказать, он был послом, он потом будет арестован. Все были потом арестованы английские вслед за ним. У отца с ним очень сложились хорошие отношения, и, видно, он ему посоветовал идти учиться туда. И он послал учиться. То есть отец мой владел прекрасно английским языком. Мама говорит, когда они приехали, первым делом посадили их учить язык. И брата они брали с собой. Они сидели за столом, как мы с вами, учили язык, а он сидел в стороне. Он быстрее их выучил язык, [нрзб]. И в будущем потом он будет синхронным переводчиком. И совсем позже, когда уже он будет учиться в нефтяном институте, уже будет... Нет, уже он был, по-моему, специалистом. Приедет канадская команда. Канадцы приедут. Им нужно что-то по геофизике. Им нужен человек, переводчик. И они ничего не могут, переводчики не переводят то, что по специальности. Взяли моего брата, но с ним рядом ходил кагэбэшка всё время. Потом канадцы скажут ему: «Роман, где ты так хорошо выучил русский язык?»

00:28:43

Английский.

Именно русский. Они решили, что он... «Где ты так выучил хорошо русский язык?» Он говорит по-русски, они решили, что это... И второй курьезный случай был с ним. Взяли его под руки. И нужно было кому-то там сдать аспирантский этот экзамен. Взяли его под руки: иди сдавать. Ну перевести там текст какой-то. Там, говорит, особо не умничай, там уж как-нибудь это самое... Он перевел, преподавательница и говорит: «Всё хорошо, но вы знаете, у вас что-то с произношением. Вы поработайте над произношением». Что-то такое. Ну, такие вот милые какие-то воспоминания, которые я вам перехватываю. Ну, что еще сократить, это вот сказать, то есть я так вспоминаю, что я ушла из детства сразу, так сказать, в мат и перемат. Война тут, просто в огненную юность, и всё. Я так вот не понимаю, где тоже я, как ребенок, я нашла вот эти силы, чтобы вот из той обстановки, в которой я была, попасть вот в это вот. Потому что Голицыно бомбили страшно. Это единственное, там Минское шоссе, тут Можайское шоссе, тут Москва, Фили, а немцы уже зашли, уже они Можайск взяли, уже они в Звенигороде, они уже по Киевской дороге, мы вот здесь в этом. Они бомбят железную дорогу, и ночами тут просто вот такая... И маму мою, несмотря на то, что она репрессированная, в госпиталь взяли работать. У нее было фармацевтическое образование дореволюционное, и она работала, вот свои ордена она получила здесь. А брата забирают, ему еще нету 18 лет, 17 с половиной, забирают из школы. И здесь Алабино, здесь сразу учебка рядом — и на фронт, и он уходит на шесть с половиной лет, почти семь. Еще два года он будет... Дошел до Кенигсберга. Прошел он простым солдатом в тяжелой артиллерии, тащил вот эту вот пушку, всю Белоруссию прошел, всё вот это прошел до Кенигсберга. В середине похода этого вдруг опомнился, он говорит о том, что он не комсомолец. И политрук — как это так... В общем, возникло, что он сын врага народа. Вот такая вот, может быть, написано в его это, я этого не знаю. Мне как-то не хочется даже вот туда лезть. И он, ну не знаю, взяли его в комсомол или не взяли, я как-то даже не обратила внимание. Про свой комсомол я так скажу, я уже дохожу до восьмого класса, и

вдруг... Ой... Вдруг в восьмом классе повально у нас идут комсомол. Я, конечно, с одной стороны, со мной не беседовали дома, никаких мне лекций не читали, что я, кто я, откуда я, какой национальности я, но как-то вот витало в доме, такая строгость в доме была, что что-то я должна говорить, а что-то это... Ну, не могу вот сказать, но я знала, что в комсомоле мне делать нечего, потому что сейчас будут спрашивать, где мои родители, и я осталась во второй половине класса, пошла. Ну и хорошо, что я там не была, но хотя надо было в институт поступать, я больше нигде не оправдывалась и не была, что я вот... Ну не соврала, я вот была... Приняли ли моего брата в комсомол, я вот этого тоже не знаю, но когда... Я знаю, что в Голицыно когда мы были, вообще весь поселок, который был, мы все как-то были сплочены, потому что многие здесь были тоже, оказывается, семьи репрессированных, и каким-то образом эти семьи друг про друга как-то узнавали, и началась какая-то дружба такая вот, между... Женщины одни, [нет] мужчин же. У одной был железнодорожник муж, забрали, а другая еврейская семья была каким-то образом там, и третья, ну не знаю, кто как. Писательские какие-то были, до сих пор вспоминают, что приходили и брали прямо... Они на квартирах жили, в Голицыно многих людей забрали, каким-то образом здесь вот они, ну как-то оседали, я не знаю. Ну это нам очень помогло в качестве там лекарства какого-то помочь или еще что-то, потому что во время войны, я помню, я запомнила... Я запомнила... Нет, забыла голод, но я не забыла голод, который во время войны. Потому что это невозможно, как было холодно, это печурка, это маленькие вот эти дровишки, которых нарубить надо, мужиков нет, мама целыми днями в госпитале, что я, ребенок, я не могу сделать, голод, едим очистки, то есть вот капусту какую-то мороженую, хлеба практически нет, ну ничего нет. И я чуть не погибла от того, что я так заразилась глистами, что они у меня пошли горлом. А мама тогда уже работала в госпитале, и я на всю жизнь запомнила, что ей в госпитале дали одну таблетку, «Сантонин», вот только с одной таблетки, потом у меня вот как-то... 12 дней из меня вот это вот всё выходило, это было. И второй раз я чуть не погибла, это было, что я пришла, и мне было очень холодно, я затопила печку, и закрыла трубу, и завернулась в постель, и легла, и я уснула. Ну уже я была, наверное, в классе в шестом, наверное, вот так вот. И только я помню, что я лежу на снегу, вокруг меня люди, и я слышу: мама кричит. Вот мама кричит, и я, вот она кричит, а я не понимаю, где я, что я, совершенно не понимаю, и только я так вот помню, что мне надо зацепиться за этот голос, вот идти за этим голосом, и тогда я вытяну. Помните фильм такой был «Кукушка»? Вот там тоже вот такая... И я когда видела вот этот фильм, вот это точно это, вот «Кукушка» эта. И вот это был второй раз, когда я вот выжила. Еще про крик я хочу, еще вспомнила, назад, когда папу уводили, я слышала дикий крик, женский крик, это кричала бабушка. То есть она, она выла как волчица, она хоть и язычица была, она хоть и была, но она, ну, наверное, понимала ситуацию, потому что она была очевидец вот этой Гражданской войны, как они... Ведь до сих пор они Колчака, сибиряки, не могут поставить этот памятник. И в Москве. Настолько они, вот настолько он их прижимал, да. Ну, наверное, пора уже жуть эту заканчивать, но я только благодарна всё-таки, что... Да, вот тут еще вот что получается со мной, я ведь не говорю по-русски. И тут уже в школу надо готовиться, а я ни читать, ни писать, абсолютно ничего не могу, никто мной не занимается, это идет года два, и я как вот бездомная, вот хожу, где хочу, там и хожу. Правда, брат иногда меня брал, какие-то у него друзья появились, к ним я ходила, там и поесть можно было у них. Но я так думаю, что я за это время очень много приобрела. Я научилась, видя взрослого человека, читать по глазам, хороший это человек, он меня действительно слышит или действительно он меня не обманет, он меня действительно, если я попрошу, он мне... Ну какие-то вот такие вещи я научилась, и по голосу, вот как человек говорит. Позже, когда я работала уже в газете «Ленинское знамя» как библиограф, и тогда компьютеров не было, и мы звонили по телефону, нам нужно были кое-какие справки, хотя мы должны, огромная библиотека, мы сами должны были справки эти делать. Иногда звонишь в какую-то редакцию, представляешься и говоришь, судя по тому, как там скажут «алло» или как там скажут... я понимала, сколько информации несет голос отсюда, у меня наладится этот разговор, вот такие какие-то вещи до сих пор. Либо я прихожу там устраиваться на работу или еще что-то. Трудно, когда ты встречаешься с человеком, как она тебе задает [вопросы], и уже контакт или получается, или не получается, вот этим многим вещам как-то я научилась. Помогают они мне или нет, я не знаю.

00:39:35

Элеонора Тимофеевна, знаете, вот хотелось бы немножко назад всё-таки вернуться. Скажите, пожалуйста, а вы вот запомнили момент, когда вы уезжали из Англии, а с каким настроением уезжали мама с папой, они ждали что-то какого-то... наконец-то какая-то другая жизнь начнется? Или у них было какое-то подавленное настроение, они... Всё-таки это был 1937 год.

Я думаю, что это было более подавленное настроение, потому что, видно, это было... И потом, они уже знали, что арестованы здесь уже и жены, и ее братья. И они, конечно, и когда мы на пароходе ехали, и всё, я как-то даже папу не видела здесь, ни в поезде, нигде, уже как-то его с нами не было, то ли он с документами сидел, писал, то ли что, я не знаю, но с нами, ну как-то я этого не помню. Да, напряжение было, конечно. Мама с тех пор, конечно, стала совсем другим

человеком, потому что на нее навалилось. И потом, скажу, что родители отца очень плохо встретили ее, они считали, прямо ей в глаза говорили, что «Тимофей погиб из-за тебя, потому что ты белогвардейка». И это длилось очень много лет, то есть не только бабушка, а ее и сестра, и... Ведь это вот кусок вот этот, который дал, это же дал, он дал маме бесплатно вот этот кусочек вот этой терраски, и мама потом стала вот это полено вот это полену как-то вот соблюдать. Как у нас продвинулась хорошо эта стройка, в сорок... Война кончилась... А, война еще не кончилась, к нам в Голицыно прибыл целый лагерь военнопленных, и они поселились, им негде было жить, они кое-где поселились, и первая вот эта вся изба, они поселились, не военнопленные, а обслуживающий этот персонал, и прислали к нам немца, который выстроил нам печку, оштукатурил все стены, в общем, мы смогли войти вот в эту вот щелку, которую... Даже и свет провели уже тогда, вот это было просто это... И потом, когда, я помню тот день, когда они появились, у нас сарай был, когда я пришла из школы, я увидела, во-первых, расчищенная дорога вся была, и две огромные лошади, тяжеловесы, которые вот эти, у них ноги какие-то как в шерсти вот такие вот были, все в снегу были, вот этой иней, мешки у них были, и поставили этих лошадей вот здесь. Звали этого немца Шутстав, и два года мы были с дровами, с водой, потому что все колодцы были замерзшие, ведра туда, это ничего не работало, то, что поднимает воду, это надо было топором всё это рубить, лед рубить, в общем, это был... Ну, я не знаю, как это назвать, это всё. И вот это вот было, и затем еще я помню, что к нам в класс, это был седьмой класс, пришли три девочки: Вайнштадт, Гинц и Гулари, это были дочери военачальников вот этого лагеря. Конечно, наш класс встретил их очень так приветливо, у них была совершенно другая жизнь, так эта вот Вайнштадт, настолько как-то вот она полюбила меня, настолько это была лучшая подруга, что до сих пор, ей 89 лет, она до сих пор не слезает с телефона, поздравляет, несмотря на то, что она уже в Израиле пожила, и тут они уже пожили, и еще что-то. Так что... И она мне сказала потом: «Я знала о том, что твой отец расстрелян». Потому что он, ее отчим это был, он имел доступ и знал. Еще один раз была такая интересная ситуация, когда ушли немцы, дом был пустой, и вдруг тут же появляется какая-то семья, заселяется там в передней части — начальник норильского лагеря с семьей. Очень приличные люди, живут два года. Лагеря закрылись, и они все ждут в Москве квартиры, то есть это был уже... Москва уже заселялась тогда. Второе заселение Москвы будет... Это будет 1950-е годы, когда с приходом... Это Хрущевские пришли, а это Брежневские уже придут сюда, тоже вот здесь будут, это из Киргизии приедут эти вот, номенклатура, им положены квартиры в Москве, они тоже будут. Так что здесь с этими вот категори[ями] людей мы были знакомы, но мы не реабилитированы, и пожили рядом. У них была четыре человека семья, один мальчик учился вместе с моим мужем в Горном институте цветных металлов и золота, и закончил его, институт, и поехал опять в Норильск работать.

00:45:36

Элеонора Тимофеевна, но это уже другая совершенно история.

Хорошо, [нрзб] меня, да.

00:45:40

Хорошо, тогда можно, вот скажите, когда вы уезжали из Лондона, может быть, вам мама потом рассказывала, а были ли у них мысли остаться и не возвращаться сюда?

Никогда.

00:45:49

А можно полным ответом, что... Меня же не будет. Что они не хотели остаться, они хотели вернуться, ну полностью.

Я так понимаю, что жизнь в Англии никогда отцу не нравилась, не нравилась, это и было в его письмах, чужие люди, чужое, вот всё чужое, даже с их культурой, с этими магазинами, с этой красотой, с этой... То есть... Даже то, что конфисковали, и то, что более-менее осталось, я такого больше никогда не видела, такого постельного белья, такие скатерти, такого нательного белья, таких каких-то халатиков, платьев, потом что-то осталось, мама на картошку будет ходить в деревню менять. То есть это было... Шерсти очень много, мама вязала этой шерстью, что здесь не было. Никогда, потому что, я знаю... Наверное, он интересовался политикой, и я, кстати, взяла Ганди, и в это время, я прочитала, что было в мире. Это была катастрофа, что это было, по-моему, уже Франция в это время пала, уже идет война, уже идет это, и, конечно, он понимал, что... Так и никто бы их еще и не оставил там, и если бы оставил, всё равно бы их там достали бы, потому что, ну, это понятно было. Я знаю, что когда мой отец занимал такую должность сначала, он получал партминимум, потому что тогда положено это было, особенно... Там, конечно, деньги были, они одеты были, у него забрали 12 костюмов. Кому они нужны? Еще одна встреча интересная вот была. Тот человек, который арестовывал, фамилию его запомнила — Антонов, или арестовывали, конфисковывали, я не знаю, при понятых

Голицынских здесь. Проходит много лет, мама работает в зоотехническом институте, к ней все хорошо относятся, и директор института относится, и кадровичка. И кадровичка однажды говорит... Да, мама спускается по лестнице, институт находится в здании Шереметьевского дворца, такие витые лестницы, всё сохранено до сих пор. И вдруг она спускается с лестницы и поднимается человек, и она вздрагивает от того, что видит этого человека, и он сделал стойку. Они мимо друг друга прошли, потом мама через несколько часов заходит к кадровичке и говорит: «Кто это был?» Она показывает, что человек пришел устраиваться на работу. Война кончилась, всё кончилось. Он хочет работать военруком. И показывает, что кроме того только, что он хорошо стреляет, больше ничего не умеет. Это вот фамилия его Антонов, которого мама вот встретила, с которой... Что они сделали: когда они писали вот эти вот документы, они не подложили копирку, и те вещи, которые даже на это... они не вписали, что это были. Я про что хочу сказать. Что люди-то как встречаются, всё-таки вот... Я очень много мистикой как-то вот, всё-таки вот, ну где-то... Бог шельму метит. Всё-таки где-то что-то. Нет, остаться, я знаю, что брат вспоминает, там же были, в Гайд-Парке были всё время по воскресеньям выступления всякие. И он брата моего водил туда, на вот эти вещи. Я не знаю, брату нужно или просто брата нужно было брать с собой в воскресенье, чтобы он хоть куда-то вышел. Вот на эти встречи отец его водил, то есть, конечно, он был в политике, он всё это знал, и к Сталину он лично ходил. И лично, и даже настолько, что у него, он Тимофей, везде подписывался Тимо. Кабо, Тимо, то есть настолько он был вот вверен в это. И когда прошла реабилитация, я знаю, что мама моя говорила всё время, еще когда уже перед «сто лет»: «Я хочу дожить до того, что когда умрет коммунистическая партия», — она говорила. Но тем не менее она реабилитацию получила его как партийную, когда получила, ей это очень надо было, чтобы он был реабилитирован как партиец, то есть она билась за него как львица. И за братьев, просто... Ну там отдельная, конечно, история, там-то это в Мордовии были. Наверное, его, я не знаю, как, кто его, мордва сожрала...

00:51:16

А как он в Мордовию попал? Он же из Сибири.

Ну когда он учился в Москве, у него было замысел, уже башкиры сделали автономию, татары сделали, еще... кто-то еще автономные республики уже сделали, он очень хотел, чтобы мордва, он всю жизнь хотел вытянуть Мордовию из вот этого... Потому что, видите, до сих пор еще нельзя сказать, что ты мордвин, этого нет. Вот есть у нас Покрышкин, герой Советского Союза, вот сейчас фильм будет о Девятаеве, я лично с ним знакома, с Девятаевым, есть Кижеватов, который в Бресте, но никто не говорит о том, что это мордва, и до сих пор это есть. Он хотел поднять, чтобы... Образования там никакого не было абсолютно, языка там никакого, только мордовский был, но хотелось, чтобы они немножечко вровень бы стали с русскими, и он в Совете национальностей вот был, и потом он готовил, будучи и в Англии, и здесь... Нет, ну в Мордовии он сделал еще до... А, в 1930 году он уехал, значит, в 1928 году состоялась эта Мордовская республика, и до сих пор они не знают, и подчеркнута они об этом не говорят. Вот только сейчас начинается, что вроде бы... Ну это вот наша работа в музее, которую мы сделали, там тоже же стреляли 120 человек соратников его, которые с ним были в одной... И до сих пор я и пишу, и у меня друзья, которые сейчас газету организовали там, они до сих пор не похоронены, там иностранцы есть и русские есть.

00:53:12

Что это за 120 человек? Где они были, кто они, поподробнее.

Это были те, которые создавали Республику Мордовия, это переводчики, вот это вот два профессора, язык поднимали, газеты делали, партийные работники были. Вот это их было 120 человек, которые ячейка, которые создавали Мордовскую Республику. Образование, рабфаки делали, театры делали, несколько газет делали. В Москве у них был центр, газета была, и там. Ну, вот это активная была вот такая работа. Их было 120 человек.

00:53:52

И их всех расстреляли?

Всех расстреляли, два дня их стреляли. И 25 мая. И...

00:54:00

Какого года?

В 1938 году. В 1938 году их стреляли. И когда вышла из тюрьмы Анна Павловна и жена Анатолия Палыча, как были, вышла и не пришла домой. И в Магадан ехала с одной белой блузкой. А в это время Анатолий Палыч приехал, был съезд... съезд, языковой съезд был. Он хотел на съезде... Битва там была в том, что всё-таки язык должен быть мордовский на

латинице, на латинских буквах. А те настаивали, чтобы на русских буквах. И он погиб, этот язык, из-за того... Он не идет. Потому что мордовский язык — это родственный с финским. И вообще это угро-финская группа. Это и [нрзб], и марийцы, и вся эта угро-финская группа. И Эстония, и Венгрия, и особенно Финляндия. И их объявили финскими националистами. Потому что еще... Вот уже сейчас я вижу вот такие передачи о том, что Великая Отечественная война, там еще много всего, но никто не говорит о Финской войне, что была Финская ужасная война. И финны, когда я вот смотрю, так как революция в России произошла, финны... Через них очень много сделали для того, чтобы произошла революция. И обвинили, конечно, здесь очень с финнами связали. И до сих пор они не похоронены. Первый раз я в Мордовию приехала, меня уговорила жена, которая десять лет просидела. Им было по 22 года. Она тоже в воспоминаниях написала о том, как жены их всех, 120 человек их расстреляли, и вот список всех жен, которые были. Мы с Ларисой ездили. Там было два монастыря такие, где их сажали. И церквушка, где это... А били их, это ужасно, как били. Есть свидетельства тому. Есть такой... Три человека, которые вышли оттуда. Не знаю, каким образом. Один есть, который в Саратове живет. И он написал маме письмо, что «я всё написал и отдал в музей, в Саратовский музей, и я всё описал. Тимофей ни в чем не виноват. Он не брал адвоката. Он стоял на суде. Он похудел, ему выбили глаз. Ему перебили ребра все». Но он, как ни били, он всё равно сибиряк, он был очень здоровым физически человеком. И он защищал себя сам. Ну, их всех расстреляли, а его повезли в Москву. И еще год в Москве его держали. Потом опять туда повезли, опять чего-то побили, потом опять в Москве, и уже в Москве его расстреляли. То есть это был лютый враг. Это был, как они пишут, второй Гитлер. Ну, тетя Аня, когда пришла...

00:57:31

Кто был второй Гитлер, извините?

Мой отец — это был второй Гитлер. Это был второй Гитлер. Ну, с тетей Аней, она свое дело посмотрела там, в КГБ, в котором мы были. И я посмотрела их дела. Как Анатолий Палыч, он очень красиво расписывался. Тогда очень много люди занимались почерком. У деда у моего был каллиграфический [почерк], своей росписи... А кто за него подписывал — просто палочка: Рябов, за него, ну как какая-то там деревня подписывала за него. Совершенно не его подписи. Всё это в делах там вот лежит. Ну, еще, забегая вперед, вам скажу про свою бабушку. Что из мистической такой истории, когда они вот ругали маму там, ругали и прочее. Они не смогли здесь жить. Они с дедом то ли в 1942-м, то ли в 1941 году собрались и уехали в Сибирь на вот свою родину туда. И вообще им здесь ничего не нравилось. Здесь тесно, здесь этот, там тайга, там Енисей, там такая свобода. А здесь — это вообще душегубка какая-то. Хотя у них свой участок огромный весь этот был. И через много лет, лет, я не знаю, через пять-шесть, мне с годами очень [трудно вспоминать], вдруг приходит письмо. Я хорошо помню: красными чернилами написано — наверное, писала учительница. «Дорогая внученька, дорогая Норочка, прости меня, пожалуйста, я умираю, только скажи, что ты меня прощаешь». Я читаю это письмо, мама была дома, она вырывает у меня это письмо — топилась печка — и бросает его в печку. А у меня сейчас ощущение такое, что это неправильно. Вот какой-то у меня этот вот осадок. Я понимаю, как моей матери было тяжело. Ну, вы вот говорите... Сказали, что столько всех, но у всех всё разное. Вот куда это я разное могу?.. Вот до сих пор это у меня, не арест, ничего, мне вот такие вещи, что мы, родственники все, ушли, мы не попросили прощения друг у друга. Даже когда я приехала в Мордовию, ведь мою бабушку и третьего брата просто изгнали из этого села, в котором они жили, где они 300 лет, у них родословная от этих монахов была. Это же какое-то время было при Болдине, при Пушкине. И местные жители прямо сказали, что «из-за вас всё это сделали, что ваши сыновья, Тимофей, твой зять, это всё, вон отсюда».

01:00:38

Враги народа?

Да, враги народа. И бабушка умирала у нас здесь, в этом доме.

01:00:47

Элеонора Тимофеевна, скажите, а какие должности занимал ваш папа? Вы можете перечислить?

Ну, должности, это, наверное, Лариса, скорее, может сказать. Вот я знаю, вот эта должность называется, где он в Совете национальностей. Наверное, сколько лет он там был, если он, извините за выражение, провернул. Ну, как мне выразиться?

01:01:24

Понятно. А вот он... Вы в декабре 1937 года вернулись?

Я знаю, что он... Якобы ему сказали, что ты уезжаешь и тебя пошлют в Америку, так как ты ценный. И, наверное, он поехал в министерство, и ему ничего не говорили. Наверное, что-то вот ждали. Но потом, я знаю, что, когда он пересек океан, то за ним уже из Англии шла такая телега, что ни с кем не общается, замкнутый, им это не нравится. Ну, вот такие вот о нем... Да, действительно, наверное, они с мамой, наверное, мама в этом плане... Ну, наверное, они с отцом разговаривали о том, что как нужно вести себя. Я, например, знаю, что мама очень четко к этому относилась, что такое протокол, что такое дипломатическая семья. Это всё они каким-то... Где этому обучаются, я не знаю. Но она такое светское образование получила, наверное... Ну, наверное, она знала, потому что отец-то мой, конечно, только воевал в Гражданской войне, и, наверное, в этом плане... Позже, когда мой муж — немножко отступлю — был приглашен в Организацию объединенных наций, и поехали мы в Монголию на дипломатическую работу, и там я встретила вот с этим, вот там я своих родителей поняла. То, что там я встретила этих посольских, это совершенно какие-то... Не могу вам объяснить, вам это неинтересно, но там просто ты всё время должен с какими-то антеннками ходить, вот так вот всё время. А у меня этого образования нет. Я вроде вот как поехала-поехала, но там всё время надо... Кстати, там встретила даже, мир тесен, человека, которая голицинская наша была замужем за кагэбистом, который там был в посольстве, как специалист голландского языка он там, и мы у них вместе там чай пили, ну как-то интимно разговаривали, это была какая-то отдушина. Но однажды она мне сказала: «Ты знаешь, пришли чинить телефон, и телефон отключенный совершенно, он стоит рядом с ним и разговаривает». Так что когда мы разговаривали, мы клали туда подушку на этот вот [телефон]. Так что везде за каждым, ну за каждым... Ой, опять, да? Везде, если ты едешь на эту работу, как ему могла нравится, когда он привык в Мордовии, боже мой, приезжаешь — свой народ, свой язык, свой... Ну среди своих — это хорошо. Но получилось так, что у нас среди родни своей... А такая была... Это библиограф один известный сказал: «Свои — чужие, чужие — родные». Это чужие для нас стали как родственники.

01:05:02

[Когда] забирали папу, вы проснулись, увидели этот свитер. А вообще какие-то подробности, может быть, вы еще вспомните? Сколько людей, может быть, было, кто они, что происходило, что мама в этот момент делала, как папа?

Все сидели за столом, все в избе. Изба была такого размера, как вот эти вот две. Стол стоял, керосиновая лампа стояла, в углу там вот кровати были. И сидели за столом и писали, всё писали, писали и писали. Мама, не знаю, мама... Мама, я так помню, по-эрзянски что-то ему сказала, на своем языке. Этот заорал, говорит: «Прекратите говорить на своем языке!» Ну, видно, наверное, я не знаю что, но я знаю, что отец держался за эту папку, которую вот всё... Остальное, наверное, ну наверное, остальное уже было неважно. Наверное, всё-таки мама и отец знали, что два брата сидят, жены сидят, и потом эти 120 человек, которые — это же его соратники, из которых они делали республику, он же их повел всех в это самое, и я думаю, наверное, он даже не думал, может быть, даже и обо мне это, может, он думал, ну может, когда сидел, думал. Я думаю, что мама всё-таки... Он был опора. Мама была беспомощна в плане там дрова или что-то какое-то там, крыша или еще что-то. Он, наверное, понимал, что у нее ни жилья, ничего нет. Наверное, он знал настроение своих родителей по этому поводу. Дед-то, он подкаблучник был. Это бабушка, она такая, как кремень была. Ну, наверное, конечно, может быть, он, конечно... Но то, что сделал, конечно, его брат... По сути дела, я даже знаю, мама просила его, он же продал этот дом, уехал в Майкоп, и мама просила его: «Алексей, возьми меня с собой. У нас одинаковые фамилии, и я Васильева, и ты Васильев». Ну, конечно, как ее взять с собой? Они боялись так, то есть так они свою жизнь боялись, они все боялись, они многие годы вообще не знали, что с нами, дети вот, а в Москве если они получили квартиры, то они перебрались вслед за моим отцом, каким-то образом устраивались работать там и прочее. И там они... То есть мы остались совершенно голые, и ни родственники... Даже приткнуться, если приткнулись, то только какие-то вот посторонние люди.

01:08:05

А вот скажите, а сколько человек вот этих было, из НКВД же это, наверное, было?

Я знаю, что было трое понятых, голицынские, один был [нрзб] вот здесь, другой был, ну кто это — понятые, это, как их раньше называли, уличные осведомители. Они потом много-много лет вот были. И третья была Сорокина. Вот три человека. Почему, потому что потом они встречали и говорили: «Да мы вас так жалели, как вас это...» Такие, в общем, сочувственно. Однажды пришла Сорокина, сюда вот села за этот стол с мешочком и говорит, мама уже работала здесь в институте, и говорит: «Вот сгорел дом, — она одевает очки, — и надо дать погорельцам деньги какие-то». Мама идет, берет сумочку, чтобы выдать там какие-то деньги. А я только приехала, села. Смотрю и говорю: «Вот сейчас поднимешься, вот тебе двор, вот порог — и пошла отсюда вон». Мама так испугалась, она их боялась этих людей, они же могли бы... власть у них была такая, но мне как-то вот, я не знаю, я не... Она снимает очки, для нее это

«как это так?», это же просто... Ей дана такая власть, если арестовывали людей, и она была везде вхожей, и ее почерк везде, ее фамилия — это самое главное, как это я могла ей такое сказать? Я еще раз сказала: «Поднимайся немедленно, вот тебе порог, пошла отсюда вон». «Да ты знаешь, как я вам помогала? Да я за вас заступалась, да...» Вот начинает это, я ей говорю: «Третий раз, что ли, сказать?» Всё, с тех пор, а то повадились, у мамы уже зарплата была. Повадилась, что к ней можно и дальше давить можно, приходите. Ну, это три человека этих было, и потом они приехали на машине, значит, это был... их было тоже три. Ну они в какой-то форме, что ли, вот они в кожанках были, три человека. И среди них вот, наверное, был вот этот Антонов, которого потом мама вот встретила, который главный был, записывал вот это. Ну и всё, взяли это всё записали, маме дали какую-то бумажку, что вот что-то ей оставили, что они конфисковали, а потом второй раз была конфискация какая-то, когда они приезжали за машиной, она здесь стояла, она замерзла. Машина называлась «Стандарт», кожей вся обита полностью была, с полностью запчастями. И вот эта машинка, и какие-то даже детские вещи, по-моему, забрали, еще какие-то остались. В общем, остатки. Дом был весь развален, всё было в это... костюмы, вещи, живого места не было, вот всё было вот так вот ворохом. По-моему, они даже и меня с постели вытащили, что-то в постели моей искали. Но у меня-то постель была такая, сибирская, там не простынок, ничего не было, была какая-то это, чуть ли не в тулупе я спала, они переворошили, там искать было нечего, но в постели что-то они искали. Я сидела. Я вот видела вот эту вот керосиновую лампу, вот этих вот людей, и потом крик бабушки. Ну что мне было, конечно, пять лет.

01:11:58

Скажите, а бабушка, то есть в комнате только мама была, вы, а бабушку с дедушкой не пустили, их не было в этой комнате, да, где обыск шел?

И бабушка там тоже была.

01:12:07

А, тоже в комнате в этой?

Да. Всё это при них, это всё да, это всё было. То есть они, всё это они это... Ну, конечно, даже и, ну... ну ограбили, конечно, ну всё. Даже не стеснялись — там какие-то детские вещи, какие-то покрывала детские были, ну много детских, мама там... Я помню, осталось какое-то пальтишко такое розовое, ну оно, стиль такой английский, оно до сих пор шьется, бархатный такой воротничок, в талию такое пальто, и оно было завернуто, и она понесла его к деревне Бутынь, меняли на картошку. И я помню вот это, я просталась с этим пальто. И шляпку эту я долго носила, она была, я в школу ходила в этой шляпке, и в форме я была, уже школа. Я уже по-английски чего-то писала. Как я училась, если... Дело в том, что осталось тут, что у меня нет гражданства английского.

01:13:17

Русского.

Да, русского гражданства у меня нет. И я не умею читать, и я и не разговариваю еще по-русски. Вообще по-русски не говорю. И я помню, что я писала, сама чего-то училась писать, так я писала вот свое имя Нора, часто пишу английскую «н», гласные я считала, что это русские буквы, а согласные почему-то английские. «Р» было у меня наоборот, вот так я писала «р», «Нора». Иногда я куда-то уходила, я чего-то писала какую-то записку, ну не знаю. Но я помню, что мне... очутился у меня букварь, кто мне его дал, не могу сказать. Вот тебе букварь — и учишься. И этот букварь я начинаю изучать, ничего не понимаю. И когда я дошла до слов — по слогам я научилась еще сама, — но когда я дошла до слова «Луна», я прочитала его сама, «Луна», и вот с тех пор я зачитала. И я была так счастлива, что теперь я читаю. Первый класс пропущен, в школу не иду, а мне уже годы идут, я иду во второй класс. Они уже читали, уже арифметика. Они уже пишут, у них чистописание, у них уже всё. А я иду со своей «Луной» во второй класс. Мне было очень тяжело учиться, конечно, догонять или еще что-то, но я считаю, что мне никогда учителя, мне никогда не было так, что вот как-то... Знали и щадили меня, что где-то как-то я вот выплывала.

01:15:03

Вы быстро освоили русский язык?

К восьмому классу я его так освоила! Ну к восьмому я хорошо. Может, даже и раньше. Нет, конечно, я его раньше освоила, но я знаю, что раньше были сочинения каждую четверть, писали либо сочинения, либо диктант. И я помню, что в школе это был кошмар для всех. Когда учительница приходит, и она приходит с этими, в подмышке с этими тетрадами, и что там творится. Однажды она пришла, а я очень много болела и иногда пропускала, меня же на

туберкулезный поставили учет после войны, с легкими, и я... Она и говорит: «Как вы думаете, кто лучше всех написал?» То ли диктант, то ли сочинение. Но я-то в передовых-то не шла, у нас были два-три человека такие, наипервейшие. Ну сказали там: ой, вот Малыгин. «Да нет, вот Нора Васильева написала. Но ты, — говорит, — понимаешь, Нора, ошибку [допустила], я не могу тебе пятерку поставить, ты написала “преподОватель”, корень “дать”, — она мне говорит. То есть я писала эти все сочинения, все эти...

01:16:17

Скажите, то есть дома, а на каком языке вы дома разговаривали? Только полным ответом. Если вы не знали русского языка.

А первый год вообще ни на каком со мной никто не разговаривал. Год прошел, наверное.

01:16:32

Сейчас, пролетит. Нет, а вот дома — мама с папой, они же между собой по-русски говорили?

Я вспоминаю такой вот случай...

01:16:40

Сейчас, подождите.

Мой брат...

01:16:45

А еще, «я вспоминаю такой случай» — с этих слов.

Ну вот с языком, да. Как вот, то есть со мной никто не разговаривает. Вот, а мамы нет. Я не знаю, где она. Я ее не вижу. Я даже не знаю, где она, то есть вот так вот меня умыть, причесать, со мной нет никого. Я пришла в школу во второй класс, на мне панамка надета и волосы у меня болтаются. И я не могу снять, потому что все волосы у меня на лицо и мне хочется или заколоть... Нету человека, который мне это сделает. Но в школу меня вот посадили. Я помню такой случай. Брат мой, значит, он приехал, в пятый класс пошел, это 1937 год, я так считаю, пятый класс, а 1938-й — он идет в шестой класс. И никак он не может найти учебник. И вот они ищут, потому что там и бабушка, и все в одной комнате живут. Ищут-ищут, и я ему, как сейчас помню, говорю: «[нрзб]». Это мне, значит, семь лет, вот на каком-то, кто со мной вот так мог бы? Это я хорошо помню.

01:18:15

Это на каком языке?

На русском. «[нрзб]». Ну где-то она лежит, я переживаю, что они не могут найти. Ну я знаю, что вот когда война началась, полно было пуль всяких, снарядов, всё это вот, брат мой это собирал, потом брал меня с собой, вот они всё это пилили, всё это делили, я с ними сидела. Нет чтобы со мной там языком, нет, он не занимался. Чтобы вот я рядом сидела, и всё. Я только помню еще один уход мамы. Она уходит, ее таскают каждый день, куда-то она уходит. Помоему, по несколько дней даже ее не было. Она стоит на пороге вот так вот, оборачивается, мы с братом стоим здесь вот в углу, она уходит, поворачивается и говорит, даже по имени его не называет: «Учти, сделай всё, чтобы она не забыла своего имени. Вас заберут в разные детские дома. Сделай всё, чтобы она не забыла своего имени». И повернулась, и ушла. Я потом позже помню, никогда этих расставаний... Потом, когда она приходила на обед, она одетая ложилась, и подолгу она лежала, у нее были всё время мигрени, болела голова, она уходила, тщательно одевалась, у нее был черный такой костюм, обязательно белую блузку надевала, у нее такая шляпка была, такая тоже она красная, такая сумочка, и маленькую подушечку она с собой брала. Вроде вот эту подушку всё время как-то к виску она прилагала, где там сидеть. И никогда... Но когда уже повзрослел брат мой, она иногда что-то ему говорила. Ну не могу понять, то ли это до армии или после армии, но однажды... А, ну это уже когда началась, наверное, реабилитация, следовательно держит вот это вот... талмуд этот, который... и спрашивает по фамилии, вот эти, вот это, вот все. А я знаю, что отец много имел дела с фирмами иностранными, всякие там «Сименсы» иностранные. И следовательно каждую эту фирму вот спрашивает по фамилии и спрашивает мордовские все эти имена, по которым это, которые были. И говорит: «А кто такой этот?» Один ученый, который там был. А мама и говорит: «Ну если мой отец вместе с этим ученым, то я за него могу быть спокойна. Это самый что ни на есть был порядочный человек, этнограф...» Лариса, забыла его фамилию, этнографа мордовского.

01:21:33 Бублих.

01:21:35 Нет, мордовского.

01:21:37 Евсеев.

01:21:38 А, Евсеев, да. Вот Евсеев, и потом долгие годы... И спрашивает — он казанский университет окончил, он был... — говорит: «А почему не арестовали, — уже потом эта шелупень, эта поздняя мордовская которая, — почему вот не арестовали?» А потому что он уже умер в 1931 году, он не дожил до 1937 года. То есть вот там еще только научились какие-то буквы говорить, а стрелять они очень хорошо все научились, эти национальные вот эти, убивать, стрелять, и так они до сих пор, они до сих пор не могут это вот, те, которые вот эти сделали с учеными, с лингвистами, они до сих пор, просветители, до сих пор они... Эти забыты, совершенно стерты с лица земли.

01:22:30 **Скажите, пожалуйста, вот когда всё это случилось, да, но мама тоже, наверное, ожидала, что ее заберут, да?**

Да.

01:22:38 **Ну вот об этом расскажите.**

Ну ее очень часто брали, я не знаю, на сколько дней, всё время ее вызывали, она уходила. Иногда за день она возвращалась, иногда она и за день не возвращалась. То есть она уходила и когда... Я не могла даже понять когда, и она приходила, и мертвая вот она ложилась и... Ну, возвращалась. Но тут началась война. Вот этот период, когда, значит, если его арестовали, уже 1938 год, арестовали, февраль, потом как-то уже даже перед войной как-то уже менялась какая-то обстановка. А уже 1941-й-то год, конечно, уже... Во время войны тоже таскали ее.

01:23:34 **А вы проговорите, куда ее таскали, куда ее вызывали?**

В Голицыно, здесь. Здесь была милиция, и здесь приезжали они сюда в милицию. Либо в Звенигороде, либо в Звенигороде было это. Звенигород — там был центр, был и Звенигород, и был здесь начальник милиции, скорее всего вот в Зенигород ее [вызывали], там главный наш был вот этот.

01:24:00 **А ее в милицию или НКВД — куда ее вызывали?**

Это приезжали какие-то люди, которые... Приезжали специальные какие-то люди, не местные, конечно, допрашивали, а приезжали, и так как она была уже на учете, и наш начальник милиции, который здесь был, ей сообщал эту повестку, что вот такого-то числа должна она вот быть. И потом, я знаю, что однажды он проходил по улице мимо, он был один-единственный, Николай Павлов его звали, и он сказал: «На три дня забирай детей и уходи из дома». Когда это было, я не знаю. «Чтобы вас дома не было». И таким образом он спас несколько человек, которые... Захаровы, я знаю, в деревне были такие. Потом мы перезнакомились с этими семьями. И были... Но то, что, конечно... Я знаю, что врачи у нас были и была одна врач такая, мы подружались, и она, и ее сестра, это были — репрессированный купец первой гильдии из Мордовии. И как вот свояк свояка узнает издалека. Они жили здесь, несколько проспектов. Одна была врач, а другая была медсестрой в родильном доме здесь. И она говорит, тоже они все прятались, это всё как-то это прикрывались, их таскали, я не знаю. И однажды приходит Синицына, другая врач, к маме, все к маме очень хорошо относились, и... Ну и в аптеке тут она была, она же фармацевт, мама, была, как-то она, может, говорила об этом, не знаю. Ну кто такая моя мама, все как-то интересовались, ее спрятать в Голицыно невозможно было. И внешне она была, и до старости она со[хранила] свою внешность, она сохранила, очень следила

за этим. И врач однажды приходит и говорит: «Елизавета Павловна, а ведь Анна-то, осторожнее, она же ведь мордовка». То есть насколько презируемый вот это был народ. Мне кажется, и сейчас иногда вот это слышишь, что это вообще какой-то... Что про татар будут говорить, что про мордву будут говорить, про Чечню, но это у Гоголя всё написано.

01:27:04

Элеонора Тимофеевна, а вот вы на три дня уезжали, а вы помните, куда уезжали, где вы прятались?

Здесь была одна такая семья, которая была, мы не целиком с семьей, мы были разделены. Я пошла в один дом, была такая семья таких Мякуличей, замечательная, да. Они скрывали тоже, что у них... А мама пошла в другое место, где-то ее приютили. Так что мы были в разных местах.

01:27:39

То есть люди принимали, люди не боялись? Ведь это же...

Да. Да, всю войну, да, принимали. Да, да, принимали, и это вот было.

01:27:51

А сталкивались вы с тем, что вы как дочь врага народа, где-то вам кто-то в укор ставил, кто-нибудь говорил об этом, напоминал вам об этом?

Нет. Об этом мне никогда не говорили.

01:28:04

Ну вы скажите только, о чем — «о том, что я дочь врага народа, мне...» Полным ответом скажите, пожалуйста. Меня же не будет, моего вопроса.

А, чтобы я слышала о том, что я дочь врага народа, что... В мой адрес я этого никогда не слышала. Я знаю даже по классу, почему я знаю, потому что я со своим мужем знакома с девяти лет, мы с ним знакомы. И мы прожили с ним 65 лет, и он пришел к нам в третий класс. Он пришел, немцы у них сожгли всю деревню, они пришли сюда в Голицыно. Та же самая безотцовщина, с одной матерью-инвалидкой он пришел. Ну он такой хулиганистый парень был, такой вот деревенский, такой вот и... Но как-то вот он сказал, что «я сразу обратил внимание на вот эту девочку, так как у нас... — ну это смоленская, это смоленская ближе — все у нас белобрысые такие, голубоглазые, а здесь вдруг появилась, я впервые увидел черненькую девочку». И как-то вот мы с девяти лет, до восьмого класса мы были очень, очень близко дружны были. То есть как-то вот... Он был моей защитой, потому что я уже знала, что я на улицу выйти могу, меня уже никто не побьет. А это всегда на улице были эти вот такие, всякие межуличные у нас такие были битвы тут. И он дрался, драки постоянно здесь вот были. И я знала, что он верховодит на этой... И я была под его защитой. Потом, они очень часто лазили по садам, то есть я была обеспечена сливами, яблоками. Рубашки у них такие вот были набитые. До восьмого класса. В восьмом классе вдруг они пошли, и он пошел в комсомол. И он пошел... И как-то мы с ним вот расстались на несколько лет с восьмого класса.

01:30:20

Ну, вы не были пионером, комсомолом, конечно. Вы говорили, рассказывали, что у вас до 18 лет не было документов никаких, вот российского... У вас только было английское свидетельство о рождении. То есть у вас ни гражданства не было... Расскажите об этом, пожалуйста, как вы с этим жили?

Я об этом не знала.

01:30:38

О чем? О чем вы не знали?

Что у меня нет гражданства. Наверное, мама, чтобы определить в школу, она, наверное, ходила в школу и, наверное, объяснила свою ситуацию, и поэтому мне никто в школе... Ну знали, что я как-то особая ученица, что ли, вот такая, и мне никто... Мне никто ничего не сказали. И даже мой муж сказал: «А ты знаешь, тебя в классе все очень любили. Как-то ты вот умела так вот как-то, какая-то ты вот особенная была, что тебя любили в классе». Действительно, я ощущала, что вот у меня всегда были друзья, я никогда не была одинока, всегда у меня какие-то подруги, всегда их привожу в дом и до сих пор я готова, как-то вот мои двери, как говорится, открыты. Ну я думаю, что объяснила мама. Ну когда получилось, что надо 10-й класс, когда надо

получать паспорт, то тут помог начальник милиции, вот этот Павлов. Он просто выписал мне русскую метрику. Но вписал там, что город Лондон. И с тех пор началось мое гражданство, до этого у меня не было.

01:32:03

Скажите, а вот вы, наверное, после того как папу забрали, задавали маме... Вы же маленькая еще были, задавали маме вопросы: а где папа? Что она отвечала?

Я вот этих вопросов не помню, чтобы я спрашивала, где папа. А давайте откроем форточку, что-то прямо... Сейчас самолеты не летают. И тут тоже, дальше. Ага, вот. Нет, конечно, такие вопросы... Я знаю, что мы всё время его ждали. Я помню, что в этот период даже вот эти женщины, которые тоже две семьи, одна белорусская, две еврейские семьи, с которыми мы дружили очень, и у одной был муж бухгалтер Пенчковский такой, Владимир Владимирович, он работал бухгалтером в Доме писателей, а в Доме писателей была такая руководительница Фонская. Я думаю, что она кагэбистка была, конечно, потому что одно время она была председателем поселкового совета. И каждого она, конечно, вот она под свое крыло, вот это вот она взяла это. И когда я... тоже насчет языка, я помню, сидела, меня девать было некуда, когда мама мыла посуду, я сидела в бухгалтерии у этого Пенчковского и сидела чего-то карандашом чего-то там водила, и летела муха по окну, и вдруг я говорю: «Один мух». И он подскочил, побежал, говорит: «Лиза, она заговорила, она сказала "один мух"». Ну вот я вспоминаю такую радость, что вдруг я вот что-то сказала. Как это, как в мозгах это у меня шло? За мной не следили, мне никто не сказал «какая ты молодец, что ты вот это прошла, что ты это вот сделала», этого как-то никогда не было. Я не помню никогда... Я даже не знала, что у меня день рождения 8-го, меня никто не поздравлял в этот день абсолютно. Я в школе ни одного дня рождения своего не знала. То есть вот ну... Вот такое вот было, я не знаю. Спрашивала... Я знаю, что мама моя, конечно, это была мама, это был другой человек, потому что я помню, когда она уходила, она никогда не плакала. Я только когда уже будучи взрослой, я поняла, как ей было тяжело уходить, потому что она уходила как в последний раз. Она прощается, и если она сейчас будет обнимать, жалеть, «да вы слушайтесь друг друга, да вы берегите друг друга», такие слова говорить — этих слов не было. Она уходит навсегда. И только какие-то слова вот брату скажет, и он остается главным. И потом вдруг вот она возвращается. А вы говорите насчет того, что упрекали ли меня этим самым. А меня до сих пор соседи упрекают иногда, да, [нрзб] которые... Нет, это просто так, промезж, когда вот что-нибудь, какие-то терки, вот которые здесь живут, вот эти соседи. Даже такие фразы сказали. Они, понимаете, те люди, которые купили этот дом, у нас был один почтовый ящик. И мама заметила, когда стали приходиться вот эти письма, мамины повестки, они были вскрыены. У нас не было отдельного ни почтового ящика, у нас ни прохода не было, ничего, мы были вот заткнуты здесь соседями. А дочь у них была судья, которая... А отец их был секретарем райкома во Фрунзе. И вот когда они потащились сюда в Москву, как вот эти старые большевики, то мы им здесь мешали. А мы были не реабилитированы. А они купили дом в 1953 году. И я до сих пор слышу, и недавно слышала о том, что «она в Англии сдала отца, получила деньги, на что вы вот и построили, на что вы вот сделали, и немцам продались». Вот что [нрзб] вот это я выслушиваю. У меня дети говорят, в том числе моя замечательная Лариса Анатольевна говорит: «Ну ты в уме, что ты обращаешь на это внимание?» Я вам скажу, в некоторых вещах я крепко держусь на ногах, меня сломить тяжело, но есть вещи, которые я могу... вот на кусочки развалиться от этих слов. Потому что вот эти слова из 1937 года, они, конечно, гвоздями сидят во мне, это единственное, никто никогда... А вот этому Николаю Павлову, милиционеру, который мне гражданство дал, я до сих пор его вспоминаю. Вот такие были люди. Так что, вы думаете, это умерло? Это не умерло, это живет до сих пор. Вы думаете, что мы до сих пор прямо реабилитированы? Да нет, наверное, думают, ну как еще. Во-первых, еще родилась в Англии, до сих пор еще с Англией она какое-то дело имеет, там еще что-то. Ну я не знаю, я встречала несколько раз даже и от других таких, что нас бы готовы были бы еще немножко погнобить.

01:37:58

Элеонора Тимофеевна, но всё-таки вот вы росли, а папы нет. Но вы знали, где он находится? Вы дома об этом говорили?

Да, он в тюрьме.

01:38:09

Ну вы можете, то есть... Вы знали, что он в тюрьме. Ну скажите, что «я знала, что он в тюрьме».

Да, я знала, что он ушел и что он в тюрьме, и что мы всё равно его ждем. И я даже знала, что вот эти женщины, которые были, сидели иногда, они тоже своих мужей ждали, и за этим

столом раскладывали карты, и говорили, что всё время карты говорили, что они живые. Я не знаю. До такой степени все эти жены ждали своих мужей. Мы ждали-ждали, никогда... И даже когда пришли эти... Первые-то были какие-то другие дурацкие, что где-то там в лагере от воспаления легких [умер], там где-то что-то, такие были. В это тоже не верили. Постоянно каким-то образом искали. Какие-то письма из Мордовии приходили. Те, которые сидели, потом вышли и вот прислали письмо о том, что это... Вот подробности. Откуда-то мы знали, что его сильно били. Что там, говорят, были такие украинские бригады — я за что купила, за то продаю — специально приезжали вот эти украинские бригады, которые... свои не били, приглашали этих, которые били и добились Анатолия Палыча до того, что он сошел с ума. И он стал буйным, его не могли вывести на расстрел. Тогда стрелять-то в камере нельзя, надо было на улице стрелять. Позвали другого брата, и они обнявшись вышли вдвоем, и их вдвоем вот во дворе расстреляли. И до сих пор мы могилы не можем добиться. Вот сейчас вроде там меняют губернатора, может быть что-нибудь там, не знаю, но пока... А ведь сколько детей осталось. Я знаю, что у некоторых по пять человек детей осталось. Допустим, вот моего двоюродного брата выкрала тетка. Его сразу куда-то там собрали. В гостинице арестовали Анатолия Палыча, мальчику было уже 10 лет. На глазах арестовали. Она его выкрала и отправила его в Чувашию. В Чувашии там какие-то родственники были. В школе. Он с золотой медалью закончил там школу, и потом поступил он в университет. Он увидел мать только через 10 лет. Ее 10 лет закончились, и ей еще не разрешили выехать, еще далее поселение ей. И она вынуждена была... Охранник ее вывез оттуда, и это был 1948 год. Она рвалась хоть как-то увидеться с сыном. И они едут поездом. А деньги-то у него, у нее денег нет, они едут в поезде, доезжают до полдороги, не доезжая немножко Екатеринбург, и по радио объявляют, что... реформа 1948 года. И они вынуждены были сойти с поезда прямо на этой остановке, и какой первый попавшийся дом они вот купили, чтоб хоть как-то вот зацепиться вот здесь. И потом в этом будет она со своим сыном. Вот потом она увидится. Она пришлет письмо моей маме... моей бабушке. Это письмо где-то у нас сохранено, есть. Залитое слезами. А бабушка жива была. «Простите меня, пожалуйста, за этот поступок», что она вышла замуж, хоть за кого замуж, только лишь бы выйти оттуда, из этого ада. То есть, ну я не знаю, что такое ад, что такое Освенцим, что такое... Я не знаю, как дать это объяснение. Как не потерять хоть что-то, хоть быть вот... Я не знаю. Ну мать, конечно, наша, она молодец в том плане, что стойчески она вот стояла. То есть никогда я ее не видела ни в каком платочке, никогда я ее не видела такой, чтобы вот «ради бога», там «спасите-помогите», это был боец. То есть и перед следователями, перед всеми, она шла туда и держалась перед ними, ну как на настоящем там допросе. Был такой случай во время войны. Мама работает в госпитале, и раненные обокрали буфет. Политрук тут же вызывает мою мать, что она вот враг народа, что, конечно, это она обокрала этот буфет во время войны, фронт здесь, что — сейчас прямо за шиворот и вон из госпиталя. Так начальник госпиталя просто, говорит, топал руками и ногами, был такой скандал, что «как ты мог, сейчас каждые руки, каждая это, а ты всё, ты на своем посту, надо вот сейчас...» Потом нашли этих... Начальник нашел этих ребят, которые... Ну тоже не хватало еды, обокрали там этот буфет они. Даже вот такие вот вещи были. Затем письма, которые повестки, всю войну. Где-то есть у меня тоже, я не знаю, дела, где мама во время войны ездила уже не в Звенигород, а в Москву все время поезда ходили. Не прекращалось. Она ездила в Москву на допросы. То есть ее никогда не оставляли в покое. Даже работая в госпитале, есть такая бумажка, где ей особый пропуск выписывают в Москву, в поезде, что ее нигде не остановят, она идет вот в такое особое учреждение, где ее никто не может остановить, она идет туда на очередную беседу. Я знаю, что потом, уже будучи, когда уже вот эти сволочи, которые здесь жили, письма, уже шли к нам письма те, которые уже от хлопотов, хлопотные уже шли письма, другого качества. И мама написала заявление на почту, что «мои письма прочитываются». Ну кто кроме них будет их читать? Я стала рассматривать уже сейчас, так тщательно было отклеено вот это всё. Они все были в курсе дела, просматривали, а бумаг много шло, потому что они не ожидали, что будет реабилитация, эти люди. Они ждали, что это мы пожизненно, что мы не выкарабкаемся никогда. Может быть, конечно, помогло то, что... Может быть, мы бы и не выкарабкались, может, помог[и] всё-таки мамы вот эти все... Она же и Ворошилову писала. Она и в Мордовию писала, она и в Академию наук писала по поводу вот лингвистики. Она прекрасно знала этот эрзянский язык. Куда только она не писала. Где-то это у нас всё это есть. То есть она писала, защищая имена своих братьев и своего мужа. А имена своих братьев защищала... Еще надо было бабушке пенсию выхлопотать ей. И пишут в Мордовию о том, что вот как профессор, у него была зарплата, он работал там. Что же они пишут оттуда: «Да никогда он профессором не был». Это уже идет полностью реабилитация, идет уже всё. «Да никогда он этого не был». И что это письма эти идут.

01:47:25

Элеонора Тимофеевна, хотел уточнить. Вот жена маминного брата, которая купила дом, они ехали с охранником. Просто чтобы вы представили, что она замуж за охранника же вышла, да?

Да. А иначе она бы не выехала.

01:47:38

Ну просто проговорите, что она решила за него выйти замуж, почему они вместе ехали.

Назови полным именем. Скажи, что жена, Прасковья, как ее звали.

01:47:47

Да нет. Я это имею в виду, чтобы понятно было, что не просто он ее сопровождал, а он мужем ее был.

А, нет, после того, когда 10 лет закончилось и ей официально... Она, наверное, думала, что — ну не одна она там была, — думала, что она теперь может двинуться. А ей сказали, и одной жене, и другой жене сказали. Они долгие годы не могли выехать. А у другой дочь в Петербурге жила. На поселении это называется, а на поселении там же в Магадане. И ну как она познакомилась, я не знаю подробности, с этим охранником, но она выходит официально за него замуж. И они едут в этой... Официально, я не знаю, поменяла фамилию она или нет, я этого не знаю. И вот таким образом, и вот она пишет письмо, вот она еще какую-то... Ну, я не знаю, она считает, что это плохой поступок.

01:48:54

Элеонора Тимофеевна, теперь у меня вот такой вопрос. Вот я общаюсь с людьми, и вот те, кто были маленькие, дети, вот некоторые говорят, что «мы в течение долгого времени считали: раз арестовали, значит он виноват». У вас были когда-то такие сомнения?

Никогда.

01:49:12

Ну вот полным ответом, что вы никогда...

Никогда.

01:49:15

«У меня никогда не было сомнений» — вот так говори.

01:49:17

Никогда никаких сомнений. Мой отец был самым порядочным, самым что ни на есть преданным патриотом своей родины, и этот, знаете, патриотизм этот, он вошел как-то вот в нашу семью таким образом, потом брат, то есть именно... И у мамы никогда не было такого, чтобы куда-то поменять, куда-то уехать, куда-то. Вот единственное, она один раз попросилась с братом, его братом, потому что она, ну она не знала, как вот что делать. Но кстати, даже вот когда строила она этот дом, у нас даже есть где-то бумажка. Это бумажка, поселковый совет, там совещание 17 февраля 1941 года. 17 февраля 1941 года. Где идет совещание по всем вопросам, и много-много всяких вопросов, и среди них выделить на стройку столько-то леса — одной маме моей дали. Это 1941 год, когда началась [война]. То есть она уже получила разрешение на строительство этого дома, то есть чтобы получить разрешение, она... это же сколько всяких бумажек. Она, значит, оформила вот эту вот часть, что называется долевое, кусочек земли, вот она оформляет. И бумажка, была всего одна такая вот бумажка, регистрация Звенигорода, что она получила точку опоры, чему она была очень счастлива, потому что мы уже здесь как бы и граждане здесь, и учиться мы можем уже. Ну у нас есть родина. И в этом доме у нас, если пошло, уже вот Лариса у нас бабушка, шесть поколений в этом доме у нас. Значит, вот мои дети родились здесь, двое детей, трое детей, которые здесь тоже бывали, еще пять человек детей, сыновы дети, и Ларисины тоже вот внучки тоже у нас посещали здесь, это шестое поколение. На кладбище у нас лежат три поколения. Очень дружно, в одном месте, за которым мы ухаживаем. Мы за это держимся. Вроде бы... Ну, трудно объяснить, но вот это, куда от этого отъедешь? Мы отъезжали с мужем, я пять лет жила на Памире вместе с ним. Кстати он поехал, как женился на дочери врага народа, и он... Это был последний курс его института, и у нас уже Лариса в 1955 году родилась. Я очень испортила его биографию, потому что он учился на спецкурсе, и он должен был, их группа поехала в Германию, конечно, они поехали в Германию, там и зарплаты, и всё, а мы поехали на высокогорные шахты на Памир, высота четыре с половиной метра. И когда я уехала оттуда, у меня еще было такое настроение, я выписалась отсюда из Голицына. Мама пишет: «Не надо выписываться». Она очень как-то на пять метров вперед знала, как вот эта ситуация. «Не выписывайся». А я ей сказала: «Не хочу, я ненавижу это Голицыно, это нужду, эти болезни, эти

печки, эти мечки, не поеду, я буду жить там». Через три месяца я там так заболела — у меня горная болезнь началась, — что мы приползли опять сюда, и я Ларису пятилетнюю привела в декабре месяце вот в этот дом, вот сюда она вошла, вот здесь печка была.

01:53:24

Элеонора Тимофеевна, а вот как ваша мама... Нет, этот я вопрос потом задам. Сейчас такой вопрос: вы помните, как началась война, где вы были, как вы узнали о том, что началась война? Вам же было девять лет уже.

Радио у нас не было, этого ничего не было. Конечно, если началась война, у нас уже сын был, то есть мой брат, он уже был в Алабино, и в войне, конечно, все... Ну это всё витало в воздухе, что вот началась война. И потом, когда я уже училась в школе, тут моментально стал госпиталь, тут стали возить раненых, поезд подходил, и ежедневно шли раненые, очень тяжело было смотреть на это всё. В школе они вот здесь были. И потом мы уже настолько привыкли ко всем этим трупам, ко всему, и эти трупы возили вот сюда, лес был вот здесь, и просто сваливали, засыпали. И до сих пор говорят, что там нам дома построены, не успевали копать. Это был эвакогоспиталь, который шел за фронтом. И поэтому вот эту вот войну, конечно, это война... У наш школа не прекращалась, мы учились в школе. Но тут, конечно, я помню, это Зоя Космодемьянская, мы в классе все плачем по Зое Космодемьянской, тут все эти газеты, которые с нами говорят об этом. Ну я... Ежедневно потом у нас была, тут кирпичный завод был, и он давал гудок такой, как начиналась бомбежка, этот гудок «у-у-у» начинал. Как бомбежка [заканчивает], этот завод заканчивает [гудеть]. Как начинается это, мы уже знаем, что летят самолеты. Еще дедушка с нами жил, мы здесь выкопали, нас обязали, бомбоубежище. Мы копали, но оно быстро водой, мы ночами бежали туда, а потом мы перестали бегать туда и не выходили. Конечно, мы должны были еще, вот такая была какая-то шизофрения... Да нет, может, не шизофрения. Да не было у нас ламп, у нас были коптилки, что не дай бог, если немцы увидят, что у тебя окно. И я знаю такой случай, вот у нас на углу дом Саламатина был, и мальчик этот, Саламатин, он был на фронте, а мама была у него преподавательница немецкого языка, Елена Карловна, куда-то сгнула, нет ее. Спрашиваю родственников, которые сейчас живут, [говорят]: «Мы ничего не знаем, мы ничего» — да всё они знают, вот как испарилась. А второй дом у нас здесь был в Голицыно, учительница немецкого языка была, вдруг он во время бомбежки загорелся. Как это вот могло быть? Конечно, ее тут же забрали, якобы это специально вот такой сигнал сделали. То есть такая вот сволота, она всегда где-то вот... Ну вот она есть, как ее вот разглядеть? Причем это преподавательница вот немецкого языка. Вот такие вот два случая, которые я знаю. Поэтому это вот всё мы в мозгах вроде... Мы, дети, разговаривали между собой. Но потом, когда уже фронт стал отходить, конечно, мы радовались в том, что войска прогнали, взят такой город, взят такой город, мы вместе со всеми, как мы радовались, взят, как будто мы его взяли, эти города.

01:57:24

А 9 мая вы помните, в смысле, как война закончилась, как вы узнали?

9 мая я была дома, как-то я была дома 9 мая. Я помню, как ночью мы с мамой, мы с ней на одной кровати проспали вообще всю войну, потому что кровать была большая, и нам тепло было, и более менее что мы могли сохранить, и она... Вдруг стук, это было четыре часа утра, в окно — кто бегал, не знаю, но с поселкового совета — и крик: «Кончилась война!» Это было четыре часа утра. Вот таким образом мы узнали. Радио-то не было, ничего не было. Вот таким образом, больше мне... да.

01:58:13

Элеонора Тимофеевна, а как вот мама относилась к Сталину?

Как она относилась к Сталину? Я не могу сказать, как она к нему... Конечно, она считала, что это дело его рук. Особенно при мне они как-то этого не говорили. Не потому, что они меня побаивались или еще что-то, но она понимала, что я-то всё-таки общаюсь с улицей совершенно и как бы меньше всего надо знать, но когда уже с братом, конечно, они очень подробно обсуждали всё, как произошла революция, потому что это произошло на ее глазах, она уже была... Она родилась в 1896 году. В 1917 году. Всех этих революционеров она наизусть знала. Можете закрыть [форточку]. Закрыть, да. Всех она знала этих революционеров. Этих они подробно, она подробно вот эти все революционные вот эти все... И затем, конечно... Да закройте ее, закройте, это она, это ветер северный, наверное, подул. Да, и потом, конечно, и моя бабушка, и мама всё-таки получили воспитание, и жили они, они еще помнят Александра III и Николая II, они больше были в том времени, когда они были молодые, когда они были в достатке, когда у них было, они получили образование. И всё, конечно, рухнуло во время вот всей этой революции. Всё рухнуло. Я знаю о том, что как она познакомилась с отцом. Есть такая вроде вот версия, когда она была в Омске — ну это то, что вот рассказывают, — мама

работала тогда в аптеке в Омске, и жила там старшая ее сестра. Она поехала в Омск. Старшая ее сестра была замужем за сыном управляющих именем Пушкиных. Он был какой-то бизнесмен, и фамилия его была Шульгин, куда-то они сгинули совершенно, об этом не рассказывают. А отец в это время мой сидел в тюрьме у Колчака. И он в окно видел, как девушка входит в аптеку, следит за ней вот в окно, вот первый раз он ее увидел. И второй раз, когда мама уже была студентка, она учится в московском университете, и она увидела объявление о том, что в газете «Эрзянь Мастор»... Нет эрзянская какая-то, не знаю, «Эрзянь», наверное.

02:01:28

[Нрзб]

02:01:30

Ну вот видишь, [нрзб]. Нужна машинистка. Ну и мама, конечно, пошла туда, а отец был редактором этой газеты. Это был, наверное, 1922 год, я так думаю.

02:01:49

1923-й.

02:01:51

1923-й? Ну, 1923 год. И, конечно, мама вспоминает это время, когда она пришла села в эту газету, там чудовищная была безграмотность, то есть надо было газету делать, они ни по-эрзянски, ни по-русски не владеют, то есть это была какая-то... Ну газета... И отец вот взялся, значит, нужно было, конечно, эту газету срочно. И, конечно, он увидел такую мордовку, конечно, он обалдел. Образованную мордовку. Но они только, по-моему, в двадцать... Каком же... В 1925-м брат родился. А в каком-то году вот они поженились, я вот не знаю. Но я знаю, что мама, когда родился брат, он ездил в Саратов, я такое письмо читала, в командировку, и она пишет ему: «Пожалуйста, может быть, ты сможешь купить там фунт муки и два фунта масла. Совершенно... Детонька просит пирожков, мне не с чего что-то купить, вот такой вот голод, что мне нечего ему дать». А они живут в кремлевской квартире. Вот это такое вот письмо было. То есть нужда была. Еще вот я знаю, что мама, такие рассказы были, что у отца, конечно, она ездила в Лобаски к бабушке, там хоть корова была, хоть что-то, я не знаю, там было такое, ребенка хоть покормить. И она говорит, что приезжая обратно, все рубашки, которые были, все с отрезанными рукавами, потому что он собирает у себя всякие эти партийные дела у себя на квартире, газеты делают, всё, они там моются, они там едят, и всё, одеть им нечего, одевают его свободно рубашки, и они это одевают, кому-то отрезают, вот такая вот в доме была обстановка. Единственное, что еще она про него сказала, что «настолько у него были красивые синие глаза, я всю жизнь прожила, я таких синих глаз никогда не видела, не встречала», вот какие у него были, говорит, удивительные [глаза]. Ну красивый мужик, конечно, был. И вот такие обрывки какие-то, конечно, я мала была всё-таки, они меня поздно родили. И мне кажется, я им всё-таки уже лишняя была. Ну что маме было... уже вот мне пять лет, а маме уже за 40, она родила меня в 38 лет, ну ей уже за 40, под 50 идет, какой ей уже ребенок? А ребенок был шумный очень, поэтому не знаю.

02:04:54

Элеонора Тимофеевна, а когда родился папа и когда родилась мама?

Папа на два года моложе мамы. Он, по-моему родился, в 98-м году, а мама родилась в 96-м году.

02:05:17

Тысяча восемьсот?

Тысяча восемьсот, да. Мама — в мае месяце, а папа февральский. В феврале месяце родился. И мама носила ему передачу в Бутырку. У нас даже есть какие-то квитанции, такие вот были. И удивительно, и тогда даже в голову никому не пришло, я долго рассматривала, эти квитанции толстенные такие, я не знаю, по времени сколько она, чего она ему носит, я не знаю. Один раз она меня с собой брала, я видела эту очередь, эта бутырская. Не с кем меня, что ли, было ставить. Она меня несколько раз, в Москву я ездила с ней. И кончатся эти талончики 31 июля. Она не догадалась. Честно брали, и 31-го его расстреляли июля, и больше не принимали. И она не догадалась.

02:06:25

А что из себя эта очередь представляла? Большая была?

Я не могу сказать, очередь большая и маленькая, но обычно, как я потом помню очереди, в которых я стояла, когда вот там за хлебом, за мукой, очередь всегда очень активная, всегда что-то обсуждают, говорят, разговаривают, это были молчаливые истуканы. То есть таких разговоров не было: ты к кому, а кто по какому делу, и какой срок, и какой-то — то есть никаких, вот всё, полное молчание. То есть когда... И мама когда уже была на реабилитации, когда это в военной прокуратуре, то был стол, и она говорит, тоже все люди сидели. Вот когда Тухачевскую она видела. Никто ни с кем не разговаривал. Но было полно надписей на этом столе карандашом, химический тогда карандаш был, шариковых ручек не было, химическим карандашом было полно надписей. Сроки были написаны, окончание сроков, фамилии были написаны. А когда я начинала вот эту свою деятельность общественную по поводу вот всех... Я назвала это «серебряный век Мордовии», который вот был, которые расстреляны. То я ходила вот в эти музеи, которые были, и я видела там эти письма из Мордовии, которые прямо называли людей, которые писали на них доносы, которые это вот... Откровенные такие письма были бережно там, это вот я читала, я их все законспектировала, они где-то у меня все лежат, я собирала эти письма, так что... Я не знаю, сейчас занимаются этим или нет. Люди хотят до сих пор, конечно, хотят, чтобы это открыто. У меня вот эта приятельница, которая вот Мария Петровна, тоже вот, как она рассказывает: 12 дней в Мордовии, в Теньгушево, это рядом с Дивеевым монастырем это место, скот выгоняли, такие богатые были, скот выгоняли 12 дней, лошадей там, овец и прочее. Он торговал павловопосадскими платками. Как, говорит, мы жили, всё это выкрашено, всё это было, было пять человек детей, она была предпоследняя, и подогнали лошадь — и в Сибирь их, в тот город, вот где Распутин, вот... Забыла сейчас, как этот город называется, вспомню...

02:09:21

Тобольск

02:09:22

В Тобольск, да. В Тобольск. И я ехала, говорит, четырехлетняя в чугуне. А я всё никак не могу [понять], в каком чугуне ты ехала? Поставили лошадь, мужчин пешком заставили идти до Тобольска. Дедушка, говорит, больной был, и дядя больной, отца забрали. Отец пошел на Беломорканал, а меня посадили в чугун, крестная вышла, положила туда тулуп, чугун-то, наверное, с этот стол был, положила тулуп, и я в этом чугуне доехала до Тобольска, говорит. Эти дяди по дороге не дожили, упали, и мама двоих детей на снег бросила, грудные были, вот так до Тобольска они доехали. Но они вышли из Тобольска. Мне так кажется, что они как-то себя, может быть, это... ну как-то выкупили себя каким-то [образом]... Они очутились в Голицыно, я не знаю подробностей, во всяком случае они очутились в Голицыно. У них родственники здесь были.

02:10:31

Элеонора Тимофеевна, но вот мне бы хотелось всё-таки, чтобы вы сказали, так как мама к Сталину-то относилась.

А, к Сталину, мы всё от Сталина отходим. Нет, она, конечно, его люто ненавидела. Потому что она считала, конечно, что это... Она, наверное, не понимала тоже, что всё-таки отец-то был... Я не знаю, потом как... Но ведь Сталина-то в Мордовии не было. Ведь то, что в Мордовии-то сделали, там отец-то мой... То, что писали, это всё мордва писала. И там в делах-то, которые были у этого самого: за то, что они покушались на Сталина. А у отца моего был как у дипломата наган, какой-то заграничный у него, на букву «б». Какой-то наган был такой, назывался он...

02:11:30

Браунинг.

Да-да-да-да, браунинг у него был. Так этот браунинг, он пошел с этим браунингом, его забрали, он у него всё время, он при нем был. И вот к этому браунингу прицепились, он везде в делах, что он шел... И они начертили чертежи, там в Мордовии, в делах, как они шли, вот и он, и его эти братья, все вот как бы, значит, он из Англии чуть ли не руководил тем, что как вот убивать Сталина. Но я думаю, что мама-то тут всё-таки как-то... Я не знаю, как его. Но так вот, как о Сталине, разговора, так чтобы вот ежедневно... Я скорее скажу так, что мама боялась произносить это слово, чтобы даже не это. Может быть, там где-то что-то она... Может быть, эти разговоры были потом, когда маму взяли на работу завкафедрой английского языка. Она должна была сдать кандидатский минимум, и она прошла полностью вот эти вот работы,

которые там нужно было, марксизм-ленинизм, вот эти вот она досконально всё на пятерки, на отлично она сдала. И потом к ней приехала сестра ее, и они как-то вот этот вот марксизм-ленинизм и Сталин, вот тут вот, они это не с точки зрения как две худые бабы вот начнут, а с позиции какой-то вот марксизма-ленинизма, революции, как-то вот составляли. Ну вот я не могу про это сказать конкретно, чтобы... Избегали бы, скорее всего, потому что мама знала, что всё-таки мой отец работал в Кремле и всё-таки он близко был к этому. Наверное, я не могу ничего по этому поводу сказать.

02:13:40

А вот интересно, он же встречался со Сталиным, подписывал какие-то бумаги, вы рассказывали...

Одну бумагу он подписал.

02:13:46

Ну одну бумагу, всё равно. А что-то потом как через маму до вас дошло, что-то он рассказывал о встречах со Сталиным, нет?

Может быть, и рассказывал, но этого я не слышала. Может быть, они в Англии же много лет вот жили там, о чем они говорили? Я там это... У нас отдельные комнаты были, о чем и как папа, я совершенно [не знала]. И потом, там они очень усиленно на английском языке говорили, и на своем языке они тоже говорили, они не забывали свой язык. И бабушка с дедушкой тоже, и с нашей бабушкой они говорили на эрзянском, так что я полностью была выкинута из этой разговорной вот этой... общения. Никаких ни стихов, ни песен, никаких нет, ничего этого нет.

02:14:38

Элеонора Тимофеевна, а вы помните 3 марта 1953 года, когда... или 5-е, вернее, когда умер Сталин, как вы об этом узнали? И где вы были, что вы делали?

Я была в Голицыно здесь. Там в углу у нас стояла двуспальная вот эта кровать, на которой мы с мамой вдвоем спали. И я в очередной раз, я болела, и... Часто я болела... Часто я болела и... Пришла подружка. Такая она вся была взъеренная: «Ты чего спишь?» Я говорю: «А в чем дело?» Было утро, не раннее утро. «Ты понимаешь, что умер Сталин?» А я ей говорю: «Ну и что?» И вроде бы я сказала: «Туда ему дорога». Она так возмутилась! Она так возмутилась этому: «Как?! Как ты можешь такое говорить? Как ты можешь?» Я даже не знаю, как-то это было настолько неожиданно, и, наверное, вот эта моя фраза «туда ему дорога», наверное, это была вот концентрация того, что как в доме вот эти все речи про маму, мамины разговоры о Сталине. Я просто хорошо помню, я сказала «туда ему дорога» на это. Но как я помню, конечно, вот эти люди, которые очень оплакивали его, это люди были, которые очень во время войны хорошо они разбогатели, и такие в Голицыно тоже были. Каждый по-разному. Ну как-то я... Я, конечно, как подумала, что, наверное, всё-таки сейчас какая-то настанет... ну, наконец-то что-то сейчас уже, ну кончится это вот. Ну ощущали мы всё-таки этот пресс на себе. Ну что мама — на работу она не может пойти как специалист. Ее только так, как вот подберут, или кусок хлеба заработать. Ну маме еще одно время повезло в том, что к ней повалили ученики, что она стала зарабатывать на уроках дома, на учениках. Они потом многие уехали за рубеж, потому что мама такой хороший английский преподавала. И вроде я тогда поняла, что... И я потом поняла еще то, что наступает время, но я уже, по-моему, была студентка в это время, я поступила в библиотечный институт, я очень хотела быть либо фармацевтом, либо астрономией я хотела заниматься. Но брат мне сказал: «Забудь, у тебя плохо с математикой, и никакие тебе эти специальности вроде не это...» Как-то он ко мне относился так это... Ну вроде «знай свое место» — наверное, так. И я поступила. Конкурс большой выдержала, по пять человек было на место. И спасло меня это очень — гуманитарный институт — что я хорошо сочинение там написала, экзамены как-то сдала, в общем, я прошла. И очень довольна этой специальностью. Я библиограф высшей квалификации, проработала всю жизнь по этой специальности. Поэтому...

02:18:20

Но когда вы поступали в институт, там же надо было в анкете писать, а это же...

Вот всё написала, и никто ничего не сказал.

02:18:26

А вы можете полным ответом, что в [анкете] написали, что папа реабилитирован, и это не помешало поступить в институт. Вот эту фразу.

Он не реабилитирован был.

02:18:33

А, ну да-да-да, что он репрессирован, я хотел сказать.

Я просто сказала... Я просто написала, что мой отец... Нет, вот как я написала, я не знаю. Отец арестован, я написала, в 1937 году.

02:18:50

А где вы это написали?

Ну в этой бумажке, которая требовалась.

02:18:55

Элеонора Тимофеевна, просто меня же не будет. Куда требовалась бумажка, чтобы...

Ну я в приемную комиссию пришла, в приемную комиссию подала те заявления, которые нужно. Я принесла аттестат школьный и автобиографию. В автобиографии я пишу, что я такая-такая, я родилась в Лондоне, где отец мой был... Нет, я, наверное... нельзя. Что мой отец был сотрудником посольства этого и в 1937 году он арестован. И я, что требовалось, то я и... Я не знала, я не могла... Что я могла написать другое? У меня совершенно никаких не было этих...

02:19:42

И всё равно поступили?

Всё равно я поступила, да.

02:19:46

А скажите, вот вам был 21 год, когда умер Сталин, вы учились как раз в этом институте, у вас же, наверное, какое-то собрание в институте было. Вот вы пришли в институт, что там было? Можете вот это рассказать?

А вы знаете, я в институте я этих собраний... Потому что я недолго проучилась в институте, я быстро замуж вышла, и я стала работать вот здесь в политехническом. Здесь полиграфический институт, я в библиотеку поступила работать. И у меня уже в 1955-м Лариса родилась, и однажды на работе в этом институте сказали, что вот сегодня будут читать письмо Хрущева и пойдут туда только избранные, туда, в зале потом, по списку. Ну я туда вписала маму, потому что я поняла, что я там половину не пойму, или забуду, или еще что-то, для мамы это важнее. И я сказала: «Мама, вот иди там, вот я тебя записала, идешь». И мама там... Часа два читали это письмо, долго было.

02:20:53

Доклад.

Да, доклад этот читали. Конечно, я не помню, какая вот, как мы обсуждали, но уже когда этот доклад был, уже какие-то отголоски уже шли, уже знали, а этот доклад... Ну это в газете там же доклад, там более полное было, раз два с половиной часа там читали всё это. Так что то, что я знала, мама пришла уже, она полностью, она знала.

02:21:22

И что она сказала, когда она пришла?

Ничего не сказала. Вот просто ничего не сказала. Как-то пришли мы все, для нас это был такой обух, что мы не ликовали, мы не радовались, мы не поняли, что вроде бы вот всё, что вот это мы пережили, что это всё, оказывается, пустышка, во имя чего вот эти были письма, вот эти унижения, вот эти болезни, вот эти вот прятки, что милиционер нас спас, что мы прятались, скрывали, там еще что-то, вот от соседей от вот этих вот, всё. Мы не поняли даже, что произошло. Только мама поняла, что теперь можем начать уже теперь... И она активизировалась и пошла вот защищать. Ну про отца она, конечно, ничего она не могла, она не знала. Про этих-то она знала, потому что в библиотеке Ленина были материалы, которые вот эти... Она первым делом взяла газеты, которые писали в то время: «Советская Мордовия»... «Красная Мордовия» была газета, где ясно было написано, прошло 10 лет, где ясно прямо пишут, что наконец-то мы от этих негодяев, мы избавились. Насколько вот эти, которые... Это были финские фашисты, их прямо называли финские фашисты. Поэтому, я

думаю, и следователи здесь тоже, наверное, читали же [нрзб], они не могли понять, кто перед ними, какие-то финские фашисты, они знали только: один Сталин, знали вот эти доносы, кто на кого чего написал, а тут какой-то из Англии с финскими фашистами. Уже эта и Финская война эта вот была. И поэтому я не знаю, чтобы особенно-то, чтобы... Как-то было понятно, что Сталин-то здесь как-то вроде бы и ни при чем. И потом, в этих-то документах было написано, что они покушались на Сталина, то есть это ж потом выяснено было. Поэтому я вот, я затрудняюсь ее... как бы сказать, вам передать... Больше, конечно, она как-то мало это афишировала, но во всяком случае она поняла, что надо дальше вытаскивать хотя бы имя, вытащить вот этих вот братьев. И потом как-то и себя защитить, потому что вот сейчас, допустим, у меня на мой дом документов — 16 килограмм, а у мамы была бумажка одна вот такая вот, что у нее собственность на дом зафиксирована в Звенигороде и она вот имеет вот это, это самая главная бумажка, по которой [когда мама] умерла, я показала только вот эту малюсенькую бумажку и я стала наследницей.

02:24:40

Элеонора Тимофеевна, вот когда... Мама же была инициатором того, чтобы реабилитироваться, чтобы реабилитировать папу, да? Она была или кто-то ей подсказал?

Мама. И я считаю, что мама очень много здесь сделала. Почему, потому что не все сумели себя реабилитировать. И она это очень быстро сделала, потому что она уже в Москву ездила как на работу и писала вот эти вот письма, собирала то, что нужно было сделать, и поэтому... И она реабилитировала и братьев, и поэтому, раз братья реабилитированы, то тогда и жены там, наверное, уже могли, и потом дети могли уже, мой двоюродный брат и двоюродная сестра, уже они могли. Потому что, я понимала, что если бы мама этого бы не сделала, ни Анатолий, ее брат, ни Владимир, они бы не были реабилитированы. Потому что у меня есть такие извещения, что реабилитировали только то ли 20 тысяч, то ли 200 тысяч, а остальные прекратили, не стали реабилитировать. И мама вроде вот в первых рядах, поэтому хоть что-то, и бабушка пенсию стала получать, а так, конечно, это тоже нелегко, пройти вот эту реабилитацию. И поэтому, конечно, она еще была связана вот с этой вот мордвой, но мордва очень перепугалась ее активности. Да. Как-то стали даже письма такие идти к ней: «Поймите, Елизавета Павловна, что тогда время такое было». И был такой секретарь обкома, такой Осипов, который в Москве, он обирал мордовскую всю эту диаспору, и она была приглашена на этой диаспоре. Но она там не кликушествовала, конечно, но она просто достойно. Она умела себя вести так и заявляла о себе, кто она и что она, и поэтому я поняла, когда... Некоторых даже... Негодяя одного, он был депутатом даже Верховного Совета, она его сняла с этого депутатства. Поэтому все вот эти сталинские дела, они как-то враз не умирают, как-то всё это идет, переплетается, и, может быть, до сего времени где-то что-то. Ну это уже метафизика занимается этим.

02:27:25

В каком году реабилитировали папу?

В 1957-м.

02:27:34

А, 1957-й?

В 1957-м, да? В 1957-м, да?

02:27:42

Элеонора Тимофеевна, а как вы относитесь к Сталину? Как мама, я спросил, а как вы к нему относитесь?

А вы знаете, я сейчас по-разному отношусь как-то к нему.

02:27:54

А скажите, к кому. Моего вопроса не будет. К кому вы относитесь?

Я к Сталину отношусь сейчас... Как сказать, как отношусь... Я стала больше читать что-то... Он для меня загадка. И второе, я очень хорошо всегда вижу интервью со Светланой Сталиной, готова ее каждый раз обнять и понимаю, что этой девочке пришлось пережить, и как, и что, всегда я рядом с ней, и как она защищает своего отца. Как она сказала последний раз: «А кровь они все пролили, а свалили вроде бы вот хорошо». И я такое тоже потом, когда стали вот появляться... Я же библиограф. Стали, понимаете, Дудинцева, помните, вышла книга...

02:29:00

Конечно, «Белые одежды».

Да. Затем «Не хлебом единым» вышла книга, затем Шаламова вот эти вот вещи вышли, это же всё просто вот, ну на нерве это всё. И когда вот читаешь эти вещи, которые... Ведь люди прошли лагеря, и они ведут себя... Ну не один вот виноват, а вот, вот ну я не знаю, у меня слов не хватает. Не понимают даже, что произошло. Вот недавно я вижу фильм о Чапаеве, сейчас вот вижу. Ведь я помню, что до войны, как все мальчишки как играли в Валерия, этого летчика, и в Чапаева. То есть все войнушки — Чапаев. И сейчас, я не знаю, какой-то кусочек идет сейчас фильма, как на него брат пишет и политрук, он что-то сказал, поспорили из-за церкви. То есть между собой вот это вот, вся эта... Я видела этих людей, я же на своих родственниках это видела, когда маму мою белогвардейкой называли, она искренне, бабушка, называла это. Она искренне, она верила, что мама... Она и говорит, что «твой брат, ведь он же белогвардеец, он в армии служил». Мама [ей] говорит: «А в какую ему армию другую? Другой не было тогда, была только Белая». Он 1894 года рождения, он пошел туда. То есть эти обвинения были просто вот в лицо, и я стояла между ними и... А потом через много лет, и я сейчас через много лет, вот сейчас, часто обращаюсь, я вот... Говорят о Сталине, читаю, я не даю оценку, у меня какая-то... Вопросов много. Я еще вот так вот думаю о том, что... Он же ведь... Он же тоже окончил, как и мой дядя, вот это вот... религиозное вот это было это самое...

02:31:06

Семинарию.

Да, семинарию. Там тоже же, наверное, что-то оттуда. Вот я не понимаю, ну сказать, вот был такой тихушник, который сумел всех заломать, подчинить. То ли это действительно человек был с такой энергией, на которую, знаете, прям вот и идут, и идут, — такие люди есть. Не могу вам сказать, вот как...

02:31:35

А вот как вам кажется, но всё равно это всё было массово, и всё в стране всю жизнь возглавляла коммунистическая партия, все эти репрессии были в тот период. Как вам кажется, нужно ли всё-таки поставить точки над «и» и устроить какой-нибудь там типа Нюрнбергского процесса над коммунистической партией?

Вы знаете, эти вопросы, они никогда не закончатся, потому что, если говорить, вот ГУЛАГ вроде как вот, что это время... Что такое ГУЛАГ, я не знаю, оно недавно появилось всё-таки, слово. Когда я училась, слова ГУЛАГ не было. Слово ГУЛАГ появилось в печати... Я плохо владею, конечно, этой журналистикой, но когда-то оно очень активно появилось, это вот слово ГУЛАГ, и туда впахивали вот это вот всё, все безобразия, вот в этот период. Но у меня такое впечатление, что ГУЛАГ, он начался и при Александре III, и при декабристах был ГУЛАГ, и пятое... это вот самое «кровавое воскресенье» было, это тоже всё это было, это всё ГУЛАГ, и Чехов съездил на Сахалин, увидел тоже там вот это, это страшнейшая вещь, вот этот Сахалин, этот ГУЛАГ, а ему конца края, этому ГУЛАГу, нет. Это просто должны... Ну нету вот этого... Вот мой муж, который будучи студентом, между прочим, он тоже прятался, о том что он был в оккупации. Я не знаю, что он там писал или не писал, или не писал, не знаю. Ну это у него было такое. Он три месяца был... Он говорит: «А в какой я оккупации был? Сдали нас, вообще ничего не сказали. И прошли мотоциклисты. И три месяца нет никого. Потом немцы пришли». Потом они пошли, и он... Был приказ, они сожгли всю деревню, отступали, и всё, и больше... Вот все немцы, которые были. Ну он в шахту вступается, как это приехали они в шахту, в Киргизию, урановая шахта. И часть не пошли, остались ребята в конторе, но мой муж, конечно, он же горняк, он должен в шахту, не на поверхности, три человека и там главный бандеровец. Ему бандеровец этот и говорит: «Ты особенно тут не питюкай, я тут главный, будешь питюкать, вон видал? Зарою — и вообще не найдешь, вот что скажу, то и будешь вот». Ну честно, как-то он подружился. Он говорит, день у него начинался так: «Хай живе Степан Бендера и с ним его жена Параська». Он прямо сразу с первого [дня] сказал: «Я убил председателя, и у меня пожизненное, здесь вот на шахте я живу». Ну вот...

02:34:58

Элеонора Тимофеевна, а вот сейчас говорят, что надо двигаться вперед, не надо ворошить прошлое, вспоминать репрессии, что было, то было — и так далее. Как вам кажется, надо ворошить прошлое?

Обязательно.

02:35:09

Ну полным ответом только скажите.

Обязательно надо ворошить, обязательно, потому что это кому-то удобно, а я скажу, кому удобно. Даже если скажу по Мордовии по своей. Они за это время, пока там они не шевелили эту репрессию, а ведь даже некоторые, которые я видела в музеях маленьких, такая маленькая, говорят, Мордовия, а посмотрите, сколько у нас врагов народа было, откуда же это вот столько? И непонятно, откуда... Просто под нож эту Мордовию зарезали. Да и не только, наверное, другие республики так вот этого не испытали. Понимаете живы внуки их. Они сейчас живут не Мордовии, они живут сейчас на Рублевке все, а многие даже уже и за границей живут. И для них это сейчас очень неприятная... Я могу вам спокойно сидеть и говорить, и я не буду плакать о том, что я в нужде живу. Мне эта нужда очень много помогла — быть человеком, быть как-то... Ну не знаю, я многое вывела из этого, когда есть нечего, надеть нечего. Вылезли. Всё-таки советская власть как-то мне дала образование, всё-таки как-то немножко какую-то хоть крышу дали. Получила гражданство, получила. Ну, что-то получила. Ну да, лишили родителей. Ну вот им тяжелее. А мне свободнее сейчас. Я могу говорить, а они говорить не могут.

02:36:55

Элеонора Тимофеевна, у меня прямо тут буквально три вопроса осталось, поэтому мы как-то коротко. А вот говорят, сейчас так или иначе понятие «возрождение культа личности Сталина», сейчас, говорят, музей там собираются строить, центр, как вы относитесь к возрождению культа личности Сталина?

А он что, возрождается разве? Я не знаю.

02:37:16

Так, хорошо.

Я с этим не сталкиваюсь, что он возрождается, я не знаю.

02:37:22

Хорошо. Что для вас невозможно вам возместить вот за всё то, что вы пережили? Ну как бы сказать... Вернее, вот так вот: какое для вас лично самое главное последствие того опыта, который вы пережили? Это же опыт огромный [нрзб]. Вот какой вывод, что ли, из этого опыта, из этой жизни можно сделать?

Ну я скажу то, что вывод такой, что, так как вот люди сейчас мотаются куда-то, какие-то чего-то квартиры берут, какие-то кредиты берут, какие-то всё куда-то чего-то... Я знаю, что вот моя мама, она всё время мечтала и так она до этого не дожидаясь, она хотела ванную. Вот ванную она хотела. Ну потом вот как-то стало посытнее, как-то стало... Дети всё-таки при ней были. Конечно, оторван большой кусок, который... Мы до сих пор должны... У нас, понимаете, за всё это время, вот это Сталинское время, еще что-то, у нас не было базы такой материальной, которая бы вот... Да хотя бы вот вдоволь было бы постельного белья, допустим, для всех. И это было уже, когда я работала, когда дети были, пойти купить — это для меня уже было напряг: либо питание, либо это. Не говоря о том, что нужно было сделать ремонт. Мы сами это вот делали всё. Газ сами провели. Между прочим, телефон маме дали благодаря вот тому, что она имеет вот эту вот награду... окончания войны. И не всем ее дали, и дали вот в госпитале. И губернатор города Одинцово, который был Гладышев его фамилия, он всё время маме поздравления давал, то есть помнили о том, что вот мама ветеран, и всё, это вот злило окружающих. Мы, например, с мужем, оттого, что мы работали в Голицыно здесь не покладая рук, не покладая рук, мы и дрова ходили пилить, и снег чистили, от бомб эти зажигалки собирали, всю войну бегали — нам дали статус такой «дети войны», официально, поселковый совет, и нам Путин присылает эти вот письма, это тоже злит сейчас вот кого-то. Понимаете, оно какое-то... Вот какая-то категория, которая... Ну здесь... Они москвичи все, ну вот...

02:40:17

Ну, бог с ними. Элеонора Тимофеевна, а я не спросил, в каком году мама умерла? Когда она умерла?

Она умерла, две недели не дожидаясь до 100 лет. В 1996 году она умерла. И умерла в очень тяжелые времена, когда мне ее кормить было, можно сказать, нечем. Слава богу, что была треска, свободно продавалась, и я треску, варила суп тресковый, и можно было вот это... То есть вы знаете, что 1990-е годы, то есть в магазинах ничего не было. Вот так она заканчивала свою жизнь. Опять война, опять окопы, получается так, 1990-е годы. Ну вот дожидаясь. Но зато дожидаясь до того, что... Кстати, я помню даже однажды, не знаю, в каком-то году, уже ей, наверное, 96 или 97 [лет], и у нас телевизор был, здесь стоял, и был концерт Высоцкого. Она от и до прослушала и сказала: «Какой хороший поэт». [Нрзб]

02:41:28

И у меня последний вопрос. Что надо сделать, на ваш взгляд, чтобы всего этого не повторилось? То, что вы пережили, то, что страна пережила, то, что случилось. Что надо сделать, чтобы этого больше... Имеется в виду репрессии, имеется ввиду...

Вы знаете, я вам скажу, что надо. Но нам не хватит для этого сейчас... Однозначно я сказать не могу. Надо, чтобы люди всё-таки понимали, что такое совесть, которая ушла. И слово «честный»... Я помню, даже мы дети когда были, играли, вот поссорятся там дети: «А вот скажи “честное слово”». Я не знаю, было в вашем детстве такое? Было, да? «Нет, ты вот скажи “честное слово”, что ты вот не врешь» или что-то такое. Этого же сейчас вот нет, этого слова. Я помню, то есть это вот гвозди были, то есть если ты... А, не дай бог тебя поймают на том, что ты соврал, или на том, что ты... Совесть была, всё-таки вот присутствовала. Где-то она умерла, в каком-то... Ну это я не смогу... Да нет, она умерла, я могу сказать, когда начала она умирать. Ну, наверное, должно несколько поколений перерасти. Или... Ну, поколения сейчас хорошие растут, дети, мне нравятся мои дети, все они... Все они получают образование, все они... Ну замечательные. Я еще так считаю, что, наверное, у моих... Это они должны сказать, у них хорошие предки были, хорошие гены, и с той стороны, и мордовские гены.